

Не будите спящих джиннов

Василий Головачев

Джинн из прошлого

«ЭКСМО»

2011

Головачев В. В.

Джинн из прошлого / В. В. Головачев — «Эксмо», 2011 — (Не будите спящих джиннов)

ISBN 978-5-699-53826-3

Инвазеры – агрессивная форма космического разума – уже однажды предприняли попытку уничтожить Метагалактику, где обитает человечество, и получили отпор. Игнат Ромашин, майор-безопасник, младший в знаменитой династии, разоблачил агента инвазеров Ульриха Хорста, который был схвачен и осужден на смерть. Но приговор так и не был приведен в исполнение. Хорст бежал из тюрьмы. Наделенный своими внеземными покровителями новыми необыкновенными возможностями, он решает отыскать и подчинить себе «джинна» – боевого робота гиперптеридов, который способен уничтожать планеты и гасить звезды. С «джиннами» человечество уже встречалось и знает, насколько они опасны. Поэтому перед Ромашиним поставлена новая задача: не просто схватить Хорста, но разрушить его планы. Пусть даже для этого Игнату придется перенестись через... время!

ISBN 978-5-699-53826-3

© Головачев В. В., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	39
Глава 5	47
Глава 6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Василий Головачев

Джинн из прошлого

Глава 1

В знак «благодарности»

Очнулся Хорст уже в тюремном изоляторе.

Он долго не мог сообразить, что произошло и где он находится: кружилась голова, поташнивало. Потом вспомнился бой с Игнатом Ромашиным, удар.

– Русише швайн! – выговорил Ульрих хрипло.

Кажется, он и тогда сказал то же самое:

– Русише швайн! Пора кончать с этими играми! Меня ты убедил, но сможешь ли убедить его?!

Что было потом?

Кажется, появился посредник инвазеров... убил Ромашина... или не убил?!

Ульрих окончательно пришёл в себя, огляделся.

Он лежал навзничь на узком топчане в комнате с решётчатыми стенами, живо напавшей ему камеру ганноверской тюрьмы, где он провёл двадцать пять лет ещё до появления инвазеров. Впрочем, похоже, это и в самом деле камера, только гораздо проще и хуже ганноверской. А в этом случае надо полагать, что свои обещания инвазеры не выполнили. Он не смог совладать с Ромашиным-младшим, не смог «разделить его как барана», «порезать кожу на ремни» и «набить из него чучело».

Доннерветтер! Что случилось?!

Ульрих присел на край топчана, озадаченно глянул на ноги, обутые в тяжёлые блестящие сапоги, переходящие в блестящий как металл комбинезон; двигаться было тяжело.

Leck mich am arsch!¹ Тюремный комплект номер два! Стандартный «кокос», призванный ограничить свободу заключённого «до уровня недееспособности». Кто посмел запаковать его в эту «крокодилю кожу?! Чтоб у них на лбу... вырос!

– Эй, здесь есть кто-нибудь?

Далеко играющая музыка стихла.

В соседних камерах, ограниченных решётками с толстыми прутьями, не дрогнула ни одна пылинка. Они были пусты.

Как говорится: дас ист вайраух.

В глухой тишине, заполнявшей ряд камер, родился жёсткий, бесполой, шуршащий голос; говорили по-английски:

– Что вам нужно?

– Где я?

– Гуантанамо.

– Это что ещё за хрень?

– Спецлагерь для лиц, обвиняемых в преступлениях против человечества.

– Звучит благородно, – криво усмехнулся Ульрих. – В чём же меня обвиняют конкретно?

– В убийстве невинных людей, в нагнетании страха, дестабилизации общества, попрании законов социума и служении смертоносной идеологии, чуждой человеческой.

– А в шулерстве и нарушении прав сексуальных меньшинств меня не обвиняют?

– Нет.

– Слава богу! А то я уже испугался.

Голос остался сух и невыразителен, он, очевидно, принадлежал инку тюрьмы:

– Я перечислил основные инкриминируемые вам статьи.

¹ Нецензурное выражение (нем.).

– Спасибо, милый. Гуантанамо – это Европа?
– Куба.
– Ах да, вспомнил, Куба, точно. Но я слышал, что её закрыли.
– Здесь содержат только особо опасных преступников.
– Лестный отзыв. Приятно, когда тебя считают особо опасным. Надеюсь, я здесь один?
– В данный момент в тюрьме находятся шестьсот шестьдесят пять заключённых, вы шестьсот шестьдесят шестой.

Ульрих присвистнул.

– Шестьсот шестьдесят пять? И все опасны?

Голос не ответил.

– За что же их упрятали сюда? – не унимался Ульрих.

– Шестьсот два – маньяки, убивавшие людей, серийные убийцы и насильники. Остальные – извращенцы.

– Что ты имеешь в виду?

– Насилие с применением особо жестоких методов подавления воли.

– Отличная рекомендация! Меня тоже причисляют к извращенцам?

– Вы на специальном счету.

– Перечисли мои права.

Последовала пауза. Потом голос произнёс с той же размеренной сухостью и невозмутимостью:

– У вас сохраняется только одно право – на жизнь. Да и то лишь до суда.

Сердце сжала холодная лапа страха.

– До суда? Будет ещё суд?

– Завтра.

– Доннерветтер! Что же, я не могу даже пописать без вашего ведома?

С потолка камеры слетела фиолетовая электрическая змейка, ужалила Ульриха в темя.

Охнув, он грохнулся с нар на колени, оглушённый треском и болью.

– Die Nutte!² Будь ты проклят!

Ещё одна огненная змейка с треском вонзилась ему в макушку.

Ульрих упал на пол, почти теряя сознание, вытянул вверх дрожащую руку.

– Понял, понял, успокойся, не буду больше! Сколько я уже нахожусь здесь?

– Семь дней.

– Не помню.

Ульрих сжал кулаки.

Он ни разу не сидел в тюрьме, подобной этой, и не знал, что она отличается от остальных как особым режимом с применением пыток при малейшем неповиновении, так и проведением опытов над заключёнными, большинство из которых заслуживало смертной казни или пожизненного заключения. Но никто из них не доживал до своего биологического старческого предела. И никого из них не выпускали отсюда условно-досрочно за примерное поведение.

«Guantanamo Bay detention camp» – лагерь для лиц, обвиняемых в особо тяжких преступлениях, появился на военно-морской базе США в заливе Гуантанамо в две тысячи втором году, то есть более четырёхсот лет назад. В январе этого года первые двадцать человек были доставлены сюда из Афганистана. Они обвинялись в участии в боевых действиях на стороне исламских экстремистов.

Затем через лагерь прошли тысячи боевиков – террористов, врагов Соединённых Штатов Америки, а также военнопленных, принимавших участие в операциях на стороне Аль-Каиды, движения Талибан и других «национально-освободительных» движений в десятках

² Ругательство (нем.).

стран мира; американцы считали, что имеют полное право действовать на территориях иных государств, таких как Ирак, Югославия, Афганистан, Ливия, Сирия, Йемен, Иран, Саудовская Аравия и страны Африканского Союза, для «обеспечения собственной безопасности» и «всемирной демократии».

Тюрьму за истёкшие четыреста лет с момента образования не смогли закрыть ни ООН, ни Всемирная Ассамблея, ни Высший координационный Совет Земли. Куба отдала США базу в бессрочную аренду, и американцы извлекали из этого пользу по максимуму, помещая в тюрьму всех деятелей и лидеров, способных нанести вред стране, причём зачастую без всяких доказательств.

Да, бывали случаи, когда в тюрьме такого рода нуждались не только американцы, но и европейцы, и всё человечество в целом, порождающее время от времени суперзлодеев и маньяков. Пригодилась она и на этот раз, когда в её угрюмые казематы препроводили Ульриха Хорста, который четверть века назад пытался захватить абсолютную власть на Земле и не только не гнушался связями с ублюдками и убийцами, но также использовал для этой цели боевых роботов-«джиннов» и даже получил помощь иных – не похожих на людей – представителей вселенского разума.

Естественно, тюремщики были предупреждены о возможностях Ульриха, проявившихся после выхода из ганноверского централа. База Гуантанамо перешла на другой режим несения службы, блок С, в который был помещён Хорст, освободили от других заключённых и накрыли энергетическими завесами, связь с внешним миром была заблокирована абсолютно, и обслуживали узника лишь витсы и компьютер тюрьмы по имени Барак. Живые охранники и персонал базы к контактам с пленником допущены не были.

Он понял это не сразу, пока Барак доходчиво не сообщил ему об условиях содержания «суперзлодея». Условия были намного хуже, чем у маньяков, приговорённых к казни. Прав у него действительно не было никаких, и обо всех телодвижениях он должен был докладывать Бараку и просить разрешения даже на отправление естественных физиологических потребностей.

Первое время Ульрих бесился, получая чувствительные электрические оплеухи после попыток «качать права», потом смирился, понимая, что сил на сопротивление «образцовой американской системе правосудия» у него нет. Впору было задуматься о суициде, но он боялся боли, боялся смерти и в глубине своей чёрной души таил надежду, что ему удастся вырваться на свободу и воздать своим врагам должное. Особенно Ромашину-младшему, оказавшемуся сильнее не только самого Хорста, но и эмиссара инвазеров, по сути сбежавшего с поля боя.

Идея докричаться до инвазеров и предъявить им претензии возникла у Хорста на следующий день, когда ему сообщили о решении Всеземного Чрезвычайного Трибунала: казнить!

Сначала Ульрих не поверил сухому известию Барака.

– Что?! По какому праву?! Пусть меня судят в Европе, а не в Америке, я гражданин Великой Германии!

– Трибунал создан по запросу Всемирного Координационного Совета, – ответил инк. – Ваша вина доказана.

– Подумаешь, ликвидировал пару никчёмных стариков! За это дают всего лишь пожизненное!

– По совокупности преступлений вы заслуживаете смертной казни сорок три раза.

Ульрих фыркнул.

– Достаточно одного, чтобы лишиться головы. Кто вынес вердикт – казнить?

– Верховный судья Трибунала Накирнан Сафой.

– Африканец?

– По национальности он татарин.

– Hinterfotziger Scheisskerl!³ Надо было замочить всех татар! Точно, что он? Не русский, не Ромашин Игнат? Или Артём?

– Нет.

– Всё равно благодаря им! Ничего, я ещё доберусь до них! Апелляцию подать можно?

– Нет. Ни один адвокат не стал защищать вас. Апелляцию подал судебный инк, но она была сразу отклонена.

– Понятно, бояться, сволочи! На когда назначено исполнение приговора?

– На двадцать второе августа.

– А сегодня какое?

– Двадцать первое августа.

– Die Nutte! Надо fuck dich selbst!⁴ – Ульрих вспотел, внезапно осознавая своё положение. – Требую отсрочки приговора! Я не готов! И мне нужен... – он пожевал губами, – священник!

– Просьба будет передана в соответствующий орган Трибунала.

Ульрих открыл рот, намереваясь выразить своё мнение процедурой суда и вынесения приговора, но вспомнил о системе контроля, наблюдавшей за реакцией заключённого, и при-
смирел. После каждого электроразряда у него сильно болела голова.

Побродив по камере – три метра туда, вдоль решётки, три метра обратно, – он лёг на нары и вдруг подумал об инвазерах.

Какого дьявола они бросили его? Стал не нужен? Он столько сделал для них, столько помогал! Отвлёк внимание службы безопасности, нападая на старпёров и важных персон, заставил бегать за собой тысячи охотников! Повредил фрегат «Бигль», готовый лететь к Великой Пустоте. Пусть не лично, однако тоже принял участие. А чем отплатили эти инопланетные чурки? Ну, разок дали попользоваться телом магистresses Ордена. Кстати, великолепным телом, надо признаться. Помогли замочить с десяток бывших противников, гонявших его по космосу двадцать пять лет назад. И всё? Он готов был, как говорится, жизнь за них отдать, а они просто забыли о нём, оставив на съедение шакалам СБ и судьям Трибунала!

– Der Blasers!⁵ – вслух выговорил Ульрих, кусая губы. – Дерьмо собачье! Нос задирали – инвазеры, die Nutte, супер-пупер, мы те, кто сменит вас! А сами тихонько смылись, бросив меня на произвол судьбы! И где справедливость?

Ульрих сплюнул.

– Эй, Посредник грёбанный, или как там тебя, что ж ты не позаботился о главном помощнике, не жалевшем ни сил, ни времени, ни здоровья ради достижения ваших целей? Слабо подумать о других, урод? Или у вас нет таких понятий, как переживание за других, забота, благородство? Отмерли за ненужностью?

Мысль, что он по сути такой же урод, всю жизнь преследующий личную выгоду и ставивший свои желания превыше других, в голову Ульриха не пришла.

– Зря я с вами связался, шакалы!

Что-то щёлкнуло в костях головы.

Он с опаской посмотрел на шипастый потолок камеры, готовый в любой момент ужалить узника электрическим разрядом.

Однако щелчок был внутренним, мягким, едва слышным. Складывалось ощущение, что в костях черепа сработал биодатчик, подключивший канал иного восприятия. Все чувства внезапно обострились, и Ульрих услышал **голос**:

«Мы не забыли тебя. Чего ты хочешь?»

³ Ругательство (нем.).

⁴ Нецензурное выражение, аналогичное «бежать отсюда» (нем.).

⁵ Нецензурное выражение (нем.).

– Оба на! – растерялся он.

– Не понял, – отреагировал на его возглас инк тюрьмы.

– Это я о своём, – пробормотал Хорст, мысленно обшаривая череп.

«Чего ты хочешь?» – медленно, с холодной угрюмоватой интонацией повторил **голос**.

– Кто ты?!

– Инк обслуживания, – ответил Барак.

– Я не тебя, – спохватился Ульрих, добавил мысленно:

«Инвазер?»

«Вопрос излишен».

«Надо же, вспомнили».

«Соображай быстрее».

«Я соображаю, добрые братья по разуму».

«Мы не братья».

«Это образное выражение. Как вы меня нашли?»

«Не трать время на глупые вопросы. Чем мы можем помочь тебе?»

«Я для вас сделал столько...»

«Короче!»

«Мне нужно выйти отсюда! И чем скорее, тем лучше! Если вы дорожите сотрудничеством...»

«Не дорожим».

«Напрасно, я ещё могу пригодиться».

«Ты наделал слишком много ошибок».

«Это было в прошлом, я умею учиться. Хотите, я снова отвлеку внимание службы безопасности...»

«Не требуется».

«Мало ли какая ситуация возникнет в будущем. Вы всегда сможете на меня рассчитывать».

«Ты слабый».

«Так сделайте меня сильным! – разозлился Ульрих. – Равным вам по возможностям. Я сделаю гораздо больше!»

«Человеческая психика не способна реализовать необходимые установки».

«Мой противник Игнат Ромашин демонстрировал весьма впечатляющие возможности, он даже с вами дрался на равных».

«Ему помогли. И он не просто человек».

«А кто?»

«Экзор, получивший доступ к информационному полю Вселенной. Он может трансформировать тело в широких пределах, что тебе недоступно».

«Значит, он вам больше нравится? Возьмите его на службу».

«Он носитель иной, отличной от нашей этической парадигмы».

«В таком случае отдайте его мне! Я завербую его, заставлю служить вам!»

«Твоя уверенность не имеет под собой оснований».

«Тогда я его убью! Потому что он опасен... этой самой этической парадигмой. И вообще буду служить вам... – Ульрих хотел сказать «на совесть», – но выразился по-другому: – Преданно! Вам всё равно понадобится разведчик в человеческом стаде».

Собеседник, торчавший занозой в глубинах костей черепа, помолчал.

«Мы подумаем».

«Данке шён! – обрадовался Ульрих. – Только думайте побыстрее, а то завтра меня посадят на электрический стул и вы потеряете ценного наблюдателя на Земле».

«Возможно, ты действительно будешь полезен».

«Ещё как! Я могу выполнить любой ваш каприз!»

«Помолчи, мы ещё не решили. Ты слишком часто отвлекался от решения наших задач. Что ты знаешь об экспериментах со временем?»

«Со временем? – удивился Ульрих. – Разве кто-то экспериментирует? Меня учили, что машина времени невозможна. Если не учитывать чисто теоретическую возможность использования для этой цели чёрных и белых дыр и «червоточин» между ними».

«Червоточины существуют, это первая в вашем Метадомене система перемещения в пространстве и времени. Её создали Черви Угаага. Но она практически истаяла. Земляне начинают свои попытки выхода в хронополе, и нам это не нравится. Их надо остановить!»

«Я тоже землянин», – напомнил Ульрих.

«Ты отщепенец, отрицающий законы человеческого общежития. Ты перенял многие черты древних предков человечества и ближе к нам, чем к людям».

«Вы так и не сказали, что собой представляете. Динозавры, ящерицы, крокодилы, змеи? Или, может быть, насекомые?»

«Это не имеет значения».

«Имеет! – упёрся Ульрих. – Должен же я знать, с кем имею дело».

«Ни одно живое существо Земли не отражает наш облик».

«И всё же вы должны иметь форму?»

Перед глазами Ульриха соткалось странное существо, напоминающее скорее увеличенную до человеческих размеров бактерию.

– Обалдеть! – пробормотал ужаснувшийся Ульрих.

– С кем вы разговариваете? – осведомился тюремный инк.

– С умным человеком, – опомнился он. – Я имею в виду себя.

«Так вы бактерии?»

«Нет».

«Но похожи как две капли воды. А размеры ваши какие?»

«В твоём понимании мы меньше атома».

«Наносущества?»

«Можешь называть нас и так».

«Как же вы оперируете большими энергиями?»

«Ты не поймёшь. Наша база – ваш вакуум. Поэтому мы свободно манипулируем состоянием пространства. В данный момент ты действительно контактируешь с Посредником, с кластером связи с нами».

«Понятно... хотя и не совсем. Я думал, вы похожи на моллюсков».

«Не похожи».

«Вирусы! – хмыкнул Ульрих. – Никогда бы не подумал. Боевые роботы древних мне ближе».

«Они изменили тебя генетически. Но не это главное. Насколько велико твоё желание помогать нам?»

У Хорста внезапно мелькнула удивительная мысль. Но он поспешил запрятать её поглубже в тайники психики.

«Если вы пойдёте на мои условия».

«Условия ставим мы».

«Да, конечно, – согласился он поспешно. – Вы помогаете мне бежать, я уничтожаю хронолабораторию. В знак благодарности».

«Лабораторий три. Одна принадлежит России и находится под Воркутой, вторая – Китаю и располагается в провинции Веньчун, третья создана в Соединённых Штатах Америки и прячется в недрах острова Паллэски в Атлантике».

«У меня будет армия?» – скептически осведомился Ульрих.

«Прояви смекалку и сообразительность. Мы снабдим тебя всеми необходимыми средствами. Но работу надо сделать тихо, не поднимая шума».

«Хорошо, договорились».

«И мы не потерпим ни одного нового промаха!»

«Понял, понял».

Голос в голове Ульриха, царапающий мозг и кровеносные сосуды как настоящая заноза, исчез.

Ульрих подождал немного, прислушиваясь к своим ощущениям.

«Эй, вы где?»

Никто ему не ответил.

«Эй, что дальше?»

Ватная тишина в ответ. Стены вокруг, решётки под напряжением, равнодушные зрачки видеокамер, наблюдавшие за действиями узника.

Ульрих скорчил рожу, надеясь, что инк тюрьмы не сочтёт это за опасный жест. Хотел лечь, разочарованный отсутствием реакции недавнего собеседника. И в этот момент кто-то посмотрел на него – изнутри черепа! – совсем иначе, нежели те, кто следил за узником через видеокамеры.

Воздух застрял в лёгких, сердце остановилось.

Инк отреагировал вопросом:

– Что с вами? Вызвать лекаря?

Сердце заработало с частотой пулемёта!

– Не надо! – гулко ответил Ульрих, чуя переполнявшую его силу.

Глава 2

ВВУ

Императив внезапно возникшей угрозы поднял Артёма с постели.

Он глянул на вспыхивающие мотыльками цифры времени в толще стены спальни: утро ещё только-только приоткрыло занавес ночи, до рассвета оставалось часа полтора.

Холодный душ освежил.

Артём за пять минут собрался, но бриться не стал, подумал, что сделает это в Управлении.

Императивом ВВУ служба не пользовалась уже давно, с момента выхода Ульриха Хорста из ганноверского централа и его таинственного исчезновения. После этого последовала череда нападений на работников спецслужб, прокуроров и судей, участвовавших в процессе над Хорстом-младшим, два месяца его ловили по всей Солнечной системе и за её пределами, и наконец Игнату с помощью внучки Шоммера Лилии и деда Ульриха Селима фон Хорста удалось во второй раз задержать преступника, который, как оказалось, служил представителям иной «заразумной» структуры, названной им инвазерами. Люди же называли эту структуру УММ – системой «ума за разумом», пришедшей на смену разрозненным цивилизациям пятой разумной волны освоения космоса.

Ульриха по предложению американских представителей ВУИН – Всеземного Управления исполнения наказаний – поместили в спецтюрьму Гуантанамо на Кубе. Эмиссар инвазеров пообещал не вмешиваться в земные дела и удалился в неизвестном направлении. Служба безопасности УАСС (России и Земной Федерации в целом) вздохнула спокойно. А в субботу двадцать девятого августа Артёма Ромашина, генерального этик-юриста Управления внутренних расследований ФСБ, разбудил инк-секретарь Управления, извиняющимся тоном сообщив о введении императива ВВУ.

Зари-ма всё ещё гостила у родителей на Полюсе Недоступности – её родной планете, превращённой древними служителями Закона, кем бы они ни были, в «кладбище джиннов». Она пыталась уговорить отца и деда переселиться на Землю в связи с угрозой распада планеты под ударами расползающейся по её поверхности «вырожденной метрики пространства»: после уничтожения инвазерами «кладбища джиннов» защитные коконы могильников перестали работать, и евклидова метрика планеты стала потихоньку «скатываться» к двумерности, что инициировало процесс распада материи. Люди ничего не могли сделать с этим процессом. Могли лишь эвакуировать население планеты. Но не все полюсиды соглашались на переселение. Не хотели переезжать и родичи Зари-мы.

Через двадцать девять минут после вызова Артём перешагнул порог зала чрезвычайных заседаний УВР, запрятанного в недрах здания УАСС под Рязанью. Подивился такому совпадению: число двадцать девять (нынешняя дата и время появления) не ассоциировалось для него с положительным астрологическим явлением.

Он оказался не первым. В зале уже присутствовали руководители российских и всеземных спецслужб: начальник УВР Майкл Хоук, директор ФСБ Смехов с рукой на перевязи (после нападения Ульриха он ещё не восстановился полностью) и Кирилл Бондарь, командир группы особых операций «Соло», полковник.

Все трое стояли в проходе между рядами кресел, перед подиумом для выступлений, и смотрели на сотканный виомом объём передачи, внутри которого на фоне какого-то мрачного здания говорил молодой диктор.

Артём подошёл ближе.

– Будем сообщать вам о новостях, – закончил диктор.

Трое известных не только в России, но и за её пределами специалистов по безопасности оглянулись на Ромашина.

– Извините, – сказал Артём, – я торопился как мог. Необходимость личного присутствия...

– Имеет основания, – сказал Хоук, пожимая ему руку. – Ещё не все собрались, время есть. Садитесь, господа.

Виом погас.

Хоук забрался на подиум, сел за стол, не имевший никаких видимых оргприспособлений.

Артём поздоровался с Бондарем и Смеховым, сел рядом с ними, гадая, почему вести совещание доверили Хоуку, а не директору ФСБ.

– Что случилось? – тихо спросил он Бондаря.

– Сбежал Ульрих, – шевельнул каменными губами Кирилл.

Артём сдержал возглас изумления.

– Когда?!

– Два часа назад.

– Но американцы обещали...

– Мало ли что обещали американцы. Всю свою поганую историю они всем всё обещали и делали только то, что им надо.

В зале появилась пара – мужчина и женщина.

Мужчина, одетый в стандартный кокос официала с нашивкой «ВКС», был немолод, в чёрных волосах серебрились седые пряди, на грудном кармашке костюма сверкала орденская планка. Это был комиссар Совета безопасности ВКС Йордан Злотник. Его Артём знал лично.

А вот женщину – она была молода, одета в элегантный летний костюм «кока-кола» и весьма миловидна – видел впервые.

– Господа, прошу знакомиться, – сдержанно проговорил по-английски Хоук. – Комиссара Злотника вы знаете, а это Ева Рутберг, инспектор ГУИН Североамериканского континента. Она расскажет подробности инцидента в Гуантанаме.

Все посмотрели на спутницу Злотника.

– Можно вопрос? – поднял руку Бондарь.

– Слушаю.

– Почему о побеге Ульриха Хорста нам стало известно только два часа спустя?

Ева Рутберг очаровательно улыбнулась ярко накрашенными губами. Вопрос её не задел, хотя и был задан с изрядной долей неласковости.

– Наша правоохранительная система пыталась разобраться в происшедшем, – сказала женщина приятным голосом. – Думаю, и любая другая сделала бы то же самое.

– Порой промедление в одну минуту чревато колоссальными человеческими потерями, а за два часа можно вообще устроить революцию.

Хоук постучал по столу костяшками пальцев.

– Полковник, философию отношений с Соединёнными Штатами будем утрясать позже. Я очень благодарен госпоже Рутберг, что она согласилась посетить наш сиротский приют. Ева, будьте добры, изложите факты. Зона переговоров заблокирована от любого вида прослушивания, поэтому о конфиденциальности встречи можете не беспокоиться.

– Я понимаю вашу иронию и ваши сомнения, мистер Бондарь, – начала инспектор без какого-либо раздражения; сдерживать себя она умела. – К сожалению, наше руководство вплоть до президента не расположено делиться информацией, которую они считают секретной, даже с федеральными службами.

– Но ведь бегство Ульриха – общемировая проблема, – не сдержался Бондарь. – Недавняя история уже показала это.

– Тем не менее контакт с вами – моя личная инициатива. Президент Штатов неплохой человек, но он не определяет стратегию страны.

– А кто её определяет?

– Государствами давно управляют Ордена, – негромко сказал Артём. – В Европе – это Орден Белого Крыла, в Северной Америке – Орден Чёрной Мессы, в Азии – Орден Исмаилитов, на Ближнем Востоке – Орден Второго Пришествия, и так далее. И договариваться надо с их магистрами и владыками, а не с президентами и премьерами.

– Не отвлекайтесь, господа, – нахмурился комиссар Злотник. – Есть кое-что повыше забот Орден. Только всеобщая «отвага» и спасла цивилизацию от вторжения инвазоров! Госпожа Рутберг потому и согласилась встретиться с нами и обсудить детали происшествия, что понимает последствия бегства заключённого Хорста.

– Мы предприняли все меры безопасности, – продолжила Ева прежним деловым тоном, – помня его прошлое исчезновение. Освободили блок от других заключённых, надели на него комплект «смирительная рубашка», ограничивающий движение. Накрыли камеру энергетическим экраном. При малейшем нарушении порядка включалась система принуждения к соблюдению норм и правил тюрьмы. Когда он понял это, начал вести себя менее агрессивно. А потом что-то случилось.

– С этого момента поподробнее, – попросил Смехов.

– Системы контроля не отметили никаких внешних сигналов, в том числе и в брейндиапазоне. Ничего, что могло бы насторожить охрану и руководство тюрьмы. Но поведение заключённого изменилось. Будто он получил какую-то вест. Это состояние длилось около часа. А потом его энергетика неожиданно выросла на два порядка.

– Поясните, – сказал Хоук.

– Он молчал, сидя на нарах, и смотрел перед собой остановившимся взглядом. Обслуживающий инк спросил, в чём дело. Тогда Хорст показал ему палец.

– Вот так? – поднял средний палец Бондарь.

– Совершенно верно.

– Наглец, однако!

– Он показал палец и засмеялся. Наблюдатель нанёс ему электрический разряд. Но Хорст даже не охнул. Потянулся, встал, посмотрел в зрачок видеокамеры. Вот в этот момент датчики системы контроля и зафиксировали поток энергии. Ульрих Хорст буквально вспыхнул в инфракрасном диапазоне!

Мужчины переглянулись.

– Запись есть? – поинтересовался Бондарь.

– Разумеется. – Ева Рутберг вынула из сумочки красный «клювик» флешки, подала Злотнику.

Тот передал флешку начальнику УВР.

Рядом со столом вспыхнул метровый столб виома, в котором медленно сформировалась обстановка тюрьмы: коридор, ряды камер за толстыми решётками, грубые короба в углах потолка.

Стала видна одна из камер. В ней стоял посредине коротко стриженный мужчина в блестящем, обтягивающем тело комбинезоне, подняв голову к потолку. Глаза его, направленные на зрачок видеокамеры, казались чёрными дырами.

Это был Ульрих Хорст.

В какой-то момент лицо заключённого пошло пятнами, посветлело, с ушей стрельнули вниз, к плечам, слабенькие розоватые разряды. Он широко ухмыльнулся, заговорил странным – шатающимся – басом, на немецком языке:

– Пора отсюда сваливать, герр Барак. Открой-ка мне двери и сними экраны, они уже не понадобятся.

Раздался треск.

Изображение покрылось светящейся сеткой, разбилось на фрагменты.

Камера с Ульрихом стала видна с другого ракурса.

Он толкнул дверь камеры, один раз, второй, сорвал её с петель, вышел в коридор, посмотрел прямо в глаза смотрящих на него людей (в зрачок видеосистемы), подмигнул:

– Обос...сь, небось, герры и фрау? Жаль, некогда вами заняться. Однако мы ещё встретимся, мне есть что сказать вам.

Изображение поплыло волнами, растрескалось и пропало.

– Это всё? – спросил в наступившей тишине Бондарь.

– Система контроля отключилась, – невозмутимо пояснила Ева Рутберг. – Инк тюрьмы открыл выходы, подогнал спецмодуль для перевозки особо опасных преступников. Хорста попытались остановить витсы и живые охранники, но у них ничего не получилось. Начальник смены и два дежурных оператора внезапно потеряли сознание. Симптомы – как у больных африканской лихорадкой: температура за восемьдесят градусов⁶, сильные боли в мышцах, рвота, точечные кровоизлияния и геморрагии. Затем потеря сознания. Хорст сел в модуль и улетел.

– Как мог ваш тюремный инк допустить такое?

– Он завис.

– Что?!

– Спонтанный отказ предсказания ветвлений. Вам это что-то говорит? И как результат – «мёртвый» диск.

Бондарь посмотрел на Хоука, открыл рот, но Артём положил ему руку на колено, и командир группы «Соло» промолчал.

– Витсы один за другим перестали двигаться, – закончила инспектор американского ГУИН обыденным тоном. – После обследования оказалось, что их интеллект-серверы просто сгорели.

Мужчины в зале снова обменялись взглядами.

– Чёрт возьми, это же уровень... – начал Бондарь.

– Инвазеров, – закончил Смехов. – Значит, они не оставили свои игры. И обещание их не вмешиваться в наши дела – обман.

– Ничего личного, – криво усмехнулся Бондарь. – Чистый бизнес. Абсолютно американский подход к жизни. – Он посмотрел на Еву. – Извините, я не хотел вас обидеть.

– Понимаю, – кивнула женщина. – Кто такие инвазеры?

– Представители УММ, с которыми до этого контактировал Хорст, – заговорил Йордан Злотник.

– Что такое УММ?

– Это не относится к теме нашего совещания.

– И всё же я хотела бы знать.

Злотник вопросительно посмотрел на Хоука.

– Госпожа Рутберг, концепция УММ требует ксенологического образования, – сказал начальник УВР.

– Хотя мои познания в этой области и весьма скромны, но на уровне базовых понятий я ориентируюсь достаточно уверенно. Йордан? – посмотрела на спутника Ева.

– Я давно уже комиссар полиции, – пожал плечами Злотник, – а не учёный. Из многих объяснений, которые мне пришлось выслушать, я понял далеко не все.

– Расскажите коротко, что вы поняли.

⁶ По Фаренгейту.

– Зачем это вам, госпожа инспектор американского ГУИН? – с непонятной неприязнью спросил Бондарь, подчеркнув «ненаучную» должность Евы.

– Как и вам, мне хотелось бы знать, с чем мы столкнулись, – не повела она и бровью.

– Недавние события с участием Хорста вы должны помнить, – сказал Хоук. – Об этом передавали все информантства Солнечной системы.

– Я особенно не следила за вознёй спецслужб... извините. Лишь когда Совет безопасности обратился к нам за помощью, почитала данные о заключённом.

– Ульрих Хорст известен нам... э-э, спецслужбам давно, поскольку ещё четверть века назад пытался использовать наследие древних разумников.

– Иксоидов и гиперптеридов. Да, я помню. Древние негуманоидные расы.

– Он называл их негомиками, – криво улыбнулся Бондарь.

– Как?

– У этого слова есть подтекст.

– Не важно, – остановил Кирилла Хоук. – После того, как в результате развязанной им войны с боевыми роботами иксоидов и гиперптеридов – «джиннами» и моллюсками – спецслужбам удалось захватить Хорста, он просидел в ганноверском центре двадцать пять лет, но был выпущен на свободу.

– После чего принялся за старое, – раздул ноздри Бондарь.

– Полковник! – посмотрел на него Хоук. – Что с вами?

Командир группы «Соло» сжал губы, с усилием натянул на лицо маску вежливого внимания.

– Прошу прощения, нервы.

– Но Хорста снова удалось взять, – сказала Ева Рутберг, внимательно оглядев фигуру Бондаря с понуро опущенными плечами.

– По расчётам специалистов ИВКа, – сказал Хоук, – он связался с ещё одной криптоструктурой, и тоже негуманоидного типа. Ксенологи предложили называть её УММ. Мы сбросим вам файл для изучения. Вкратце идея УММа такова. Разум – промежуточная стадия космического этногенеза. Он может породить структуру «Х», которая будет опираться на родительскую матрицу как на своего носителя, но уже не будет собственно разумом. Это не сверхразум в нашем понимании, а нечто совершенно иное, так сказать «ум за разумом», логику и этику которого невозможно представить. И Ульрих каким-то образом добился его расположения.

– Скорее УММ просто-напросто использовал его для своих целей, – добавил Смехов.

– Поняла, – кивнула Ева Рутберг. – Вы предполагаете, что это именно тот самый УММ и помог ему бежать? Зачем?

Артём встретил взгляд Бондаря. В глазах командира группы «Соло» он прочитал предупреждение.

– Мы не знаем, – упредил Артём слова Хоука.

Показалось, женщина повернулась к нему всем телом, хотя продолжала сидеть неподвижно.

– Я полагаю, ваши предположения беспочвенны, – сказала она с прежней индифферентно-ложной невозмутимостью. – Судя по окончанию смуты в Солнечной системе, ваш УММ ушёл.

– Возможно, Ульрих снова понадобился ему, – глухо, словно против воли, сказал Бондарь.

– Опять-таки: зачем?

– Мы не знаем, – мягко повторил Смехов фразу Ромашина. – Пока эта область ксенопсихологии недоступна для нас. Как показывает история, законы нравственности, этики, совести и справедливости позволяют системе выживать в любых условиях и в некотором роде прогрес-

сировать. Кто отступил – погиб! Примеров множество, как в земной истории, так и в космической: вспомните иксоидов, Червей Угаага и гиперптеридов, исчезнувших со сцены Вселенной. Кстати, судьба человечества тоже под вопросом, мы ещё не изжили сатанинское наследие в глубинах психики, не позволяющее нам перейти на уровень духовного единения и жить мирно друг с другом. Но в Большой Вселенной могут существовать Метадомены с иными типами логик, далёких от всего человеческого, и УММ Ульриха Хорста – оттуда. Ему попросту наплевать на всё, чем дорожит человек. Он уважает только силу.

– Но если ваш гипотетический УММ согласился прекратить военные действия, значит, он имеет близкие к человеческим психологические характеристики?

– Не будьте наивной, миссис Ева. Какие?

– Добро, к примеру.

– Добро с кулаками, – хмыкнул Бондарь.

– Добро должно быть не только с кулаками, но и с головой, – заметил Смехов без улыбки.

– Не понимаю.

– Потому что вы воспитаны иной этической средой.

– Что вы имеете в виду?

– Соединённые Штаты Америки и Россия – два полюса идеологий. Они в корне разные. По сути это две цивилизации, отличающиеся подходами к основным нравственным ценностям.

– Очень интересно. Я этого не знала. Поподробнее эту тему проанализировать можете?

– Уважаемые дамы и господа, – сказал Хоук, – мы не на диспуте по проблемам социума. Госпожа инспектор, мы благодарим вас за предоставленные ценные сведения. Надеюсь, наше сотрудничество будет продуктивным и полезным для всех контактирующих сторон. Если выясните дополнительные подробности побега Хорста, прошу сообщить нам об этом конфиденциально. Важны любые мелочи.

– Благодарю, мистер Хоук. Прежде чем расстаться, я бы хотела выяснить ваши планы по идентификации и поиску сбежавшего заключённого.

– Странное желание, – не сдержался Бондарь. Заметил на себе взгляды присутствующих, встал. – Прошу прощения, мне надо идти.

– Хорошо, Кирилл, – опередил Хоука Смехов. – Через час жду вас у себя.

Бондарь вышел, ни на кого не глядя.

– Извините его, – повернулся директор ФСБ к госте. – У него проблемы в личной жизни, человек переживает.

– Понимаю, – кивнула Ева. – Он действительно неадекватен. Проблемы возникают у каждого человека, причём на генетическом уровне, а потом проявляются социально. Это известный факт. И всё же, мистер Хоук, не будете так любезны поделиться вашими планами?

– Планов пока нет, – бесстрастно ответил начальник Управления. – Мы ещё даже не проанализировали детально случившееся. Думаю, мы поставим всех «на уши» – объявим всеземной розыск с подключением Интерпола и спецслужб всех континентальных союзов, а также подготовим инициацию императивов ВВУ и «отвага». Если Ульрих Хорст получил от своих покровителей новое задание, он проявится рано или поздно. Вот тогда и будем составлять конкретные планы его поиска и задержания.

– Благодарю за понимание.

– И мы благодарим вас за сотрудничество.

Ева Рутберг встала.

– Идёмте, Йордан. До свидания, коллеги. Желаю успехов в вашем нелёгком труде.

В тоне Евы явно прозвучал намёк на иронию.

Инспектор американского ГУИН и комиссар Совета безопасности ВКС вышли из зала.

Хоук посмотрел на Смехова:

– Вильям, в чём дело? Что за проблема у Кирилла? Отчего он такой возбуждённый?

- Нормальная семейная проблема – ушла жена.
- Вы шутите?
- Какие уж тут шутки. Вот он и смотрит зверем на всех женщин.
- Они же прожили вместе лет тридцать.
- Тридцать шесть.
- Столько вместе не живут.
- Вы правы, женщина была и остаётся загадкой, сколько с ней ни проживи. Если она захочет уйти – найдёт причину и уйдёт, несмотря ни на что.
- Даже на любовь? – слабо усмехнулся Артём.
- А что любовь? Любовь – это тебе не просто так, ею надо заниматься.
- Шутите, господин директор ФСБ. – Артём подумал о Зари-ме: не верилось, что она когда-нибудь уйдёт от него. Хотя последнее время они действительно встречались всё реже и реже. И тем не менее ни о каком расставании речь не шла.
- Я не всегда понимаю ваши шутки, – нахмурился Хоук. – Извольте изъясняться серьёзнее. Проблема чревата непредсказуемыми последствиями, я имею в виду побег Хорста, а не уход жены полковника. Зная его устремления и возможности, я опять же говорю о Хорсте, нам надо срочно ставить «на уши» всю службу. И работать на упреждение. Первым делом решить вопрос: чего ждать? Если ему помогли инвазеры, а тут сомнений у меня почти нет, то что они потребовали от Ульриха взамен?
- Смехов и Ромашин одинаковым жестом пригладили волосы на затылке, не спеша отвечать.
- Одно могу сказать точно, – медленно проговорил Артём. – Дела инвазеров плохи, если они используют таких шизоидов, как Хорст.
- Только от этого нам не легче, – проворчал Смехов.
- Взгляд Хоука стал печальным. Он как бы спросил: старики, не слишком ли велики для вас нагрузки? Не пора ли на пенсию? Но вопрос он задал другой:
- Артём, где ваш сын?
- Ромашин ждал этот вопрос.
- Если честно, не знаю. Он собирался отдохнуть и поколесить по космосу вместе с Лилией.
- Необычное желание.
- Почему необычное?
- Молодёжь для отдыха выбирает, как правило, другие варианты: курорты, санатории, острова, отели по берегам морей. Космос – не место для отдыха.
- Каждому своё, – проворчал Смехов. – К тому же Игнат не совсем обычный человек, вы знаете. Да и Лилия тоже.
- Ангелоид? – прищурился Хоук. – Кажется, так определил её сущность Селим фон Хорст?
- Думаю, он не ошибся.
- Посмотрим. Артём, вы можете связаться с сыном?
- Артём помолчал; уверенности в том, что он найдёт Игната в ближайшее время, у него не было. Он уже пытался созвониться с сыном по Инсолу, но Игнат не отзывался.
- Попробую.
- Где он может быть?
- Его заинтересовали экзоты.
- Что? – удивился Хоук.
- Как вы помните, инвазеры культивировали Большую Пустоту – как зародыш иной Мета вселенной внутри нашей. Из-за чего и разгорелся сыр-бор с постановкой «на уши» всех

спецслужб Солнечной системы. Конечно, мы сами не справились бы с этой бедой, если бы не помощь ангелоидов.

– Представителей постчеловеческого УММа, – добавил Смехов.

– Это не доказано, – поморщился Хоук.

– Главное, что «свисты» из центра Галактики остановили инфляционное раздувание Большой Пустоты, а кто их посылал – не так уж и важно. Контакттировать с нами у них нет необходимости. Так вот Большая Пустота – один из экзотов или экзотических объектов. Есть и другие.

– Понял. Почему вы считаете, что у ангелоидов нет необходимости контактировать с нами?

– Когда вы идёте в лес за грибами и натываетесь на гнездо ос, у вас появляется желание контактировать с ними?

– Это разные уровни.

– Энергетически – да, психологически – нет. В общем, Игната заинтересовала Большая Пустота как Великий Аттрактор. Тем более что Селим фон Хорст был там и рассказал ему о посещении граничного слоя Пустоты.

– Но расстояние до Пустоты – миллион световых лет! Туда не проведена ни одна ветка метро.

– Метро туда проведено, только «червивое», построенное Червями Угаага миллионы лет назад. Не знаю, как Игнату с Лилией удалось выйти на терминал этого метро, но они это сделали. Возможно, помог Селим. У него на Меркурии есть частное владение, где сохранился «скелет» Червя Угаага, внутри которого до сих пор работает... работала, во всяком случае, камера таймфага.

– Но это же колоссальный риск!

Артём вежливо улыбнулся.

– Майкл, я говорил ему то же самое, на что получил ответ: кто не рискует, тот не пьёт шампанского.

– Молодёжь, – проговорил Смехов со старческой интонацией, – что с неё возьмёшь. Хотя на его месте и с его возможностями я бы, может быть, сделал то же самое.

– Вы авантюристы! Все русские – авантюристы!

– Позвольте напомнить: два месяца назад некто Майкл Джошуа Хоук рискнул сразиться с эмиссаром инвазеров...

– Не стоит продолжать, это обычный рабочий момент.

– А год назад тот же Майкл Хоук сиганул без страховки с куттера в Ниагарский водопад. Женщины аплодировали.

Хоук сделал непроницаемое лицо.

– Каждый из нас способен на глупый эпатаж, я не исключение. Итак, Артём, вы берётесь связаться с сыном и объяснить ему ситуацию?

– Да! – сказал Ромашин.

– Не стоит ли подключить к этому делу старшего Хорста?

Артём посмотрел на Смехова.

– Селим – человек своеобразный, – хмыкнул директор ФСБ.

– Вы хотите сказать – если вообще человек.

– Несмотря на энергетику и дополнительные сиддхи, как говорят тибетцы, он больше человек, чем большинство так называемых людей. Но вы правы, поговорить с ним необходимо.

– Возьмите эту миссию на себя.

– Хорошо.

– И ещё момент. Ни один инк не подскажет нам замысла, которым руководствовались инвазеры, помогая Хорсту бежать. Если, конечно, это сделали они. Мы естественно проанали-

зируем со Стратегом Управления все доступные нашей логике варианты, однако логика инва-
зеровского УММа наверняка отличается от нашей.

– У вас есть идея?

– Нам нужен классный ксенопсихолог, ксенологик, человек, способный понять целе-
устремления таких сверхсистем, как УММ. А ещё лучше – интуитивно чувствующий их смыс-
ловые лакуны, недоступные для обычного разума.

Артём и директор ФСБ посмотрели друг на друга.

– Лилия Эллин? – неуверенно проговорил Ромашин.

– Во-первых, она с вашим сыном у чёрта на куличках. Так у вас говорят? Во-вторых, её
знают все, кто имел отношение к делу с Ульрихом. Нужен независимый эксперт, индивидуал,
тихий и никому не известный. Чувствую, новый побег Хорста сулит нам ещё большие непри-
ятности, чем уже доставленные им и его негодниками, как он издевательски называл инвазеров,
эmissаров негуманоидной УММ. Мы не должны идти по следу, надо работать на опережение.

– Я не знаю такого специалиста, – озабоченно сказал Смехов.

– Вы, Артём?

– Я не уверен...

– Выкладывайте.

– С моим дедом работал космен Владимир Калаев.

– Он же давно умер.

– Я говорю об его правнуке, Антоне Грине-Калаеве, ему двадцать пять, он – сотрудник
российского Центра стратегических инициатив.

– Какое он имеет отношение к ксенологии?

– Ксенология – его хобби. В своё время ему предлагали работу в ИВКе, но он отказался.

– Почему?

– Точно не знаю, но можно предположить, что он не любит никакого диктата в творче-
ском плане и исследует то, что ему интересно.

– С такими свободолюбями всегда проблемы. Но, допустим, он ксенолог. Что из того?

– Если вы помните историю почти столетней давности, старший Калаев вместе с моим
дедом Игнатом Ромашиным таранили «спящего джинна». Оба выжили. И оба получили кроме
«ментального ожога» кое-что дополнительное.

– Генетические аберрации.

– Дополнительные возможности. Они стали первыми экзосенсами, в отличие от интра-
сенсов, у которых спящие гены просыпаются от внутренних побуждений. Можно было бы и
не заострять на этом внимание, но Антоша Грин-Калаев с рождения демонстрирует исключи-
тельные способности прогнозирования. Это мне говорил его отец, Дима Грин, женившийся на
внучке Владимира Марианне. Мы были хорошо знакомы.

Хоук постучал пальцами по столу, размышляя.

– Не факт, что он тот, кто нам требуется. Но привлечь его можно. Только очень тихо, без
шума, чтобы никто не догадался о нашем сотрудничестве.

– Мы понимаем, Майкл, – сказал Смехов. – Не стоит инструктировать нас по этой про-
блеме.

Хоук провёл ладонью по лицу, изобразил нечто вроде смущения.

– Прошу извинить меня за назидательный тон. Очень хотелось бы ошибиться в выводах.
Хорст сбежал, и на этом всё успокоится. Но не верю я в спокойствие, не тот он человек, чтобы
не устроить очередную заваруху перед тем, как покинуть Землю. Слишком много злобы нако-
пил, слишком много обид.

– Переходим на «босс»? – поднялся Смехов.

Он имел в виду систему связи спецслужб, исключаящую личные контакты.

– Пока работаем на «спруте». Но возможен и переход на «босс». Аналитики начнут работать с данными побега немедленно. Выводы последуют к вечеру. Артём, вы сможете установить контакт с этим вашим... э-э, внуком?

– Правнуком. Антоша и Игнат практически одногодки. Я поговорю с ним.

– Тогда до встречи, джентльмены, да поможет нам...

– «Джинн», – серьёзно сказал Смехов, косо глянув на Ромашина; судя по всему он имел в виду его сына.

Артём не ответил. Он думал о том, где искать Игната, исчезнувшего в неизвестном направлении три дня назад.

Выйдя из зала заседаний, все разошлись по разным кабинетам, не обращая внимания на летающие под потолком миниатюрные наноры – нановидеокамеры размером с голову комара. Здание УАСС круглосуточно контролировалось системой видеонаблюдения, и к толчее «мошкар» все давно привыкли.

– Зайдёшь? – остановился у двери приёмной Смехов.

Артём заколебался.

– Если только на минуту. Хотелось бы узнать, что стряслось у Кирилла. Не понимаю, почему от него ушла жена.

– Я соврал, – бесстрастно сказал Смехов.

Ромашин с изумлением посмотрел в глаза директора ФСБ.

– Зачем?!

– Есть причины. Кирилл что-то почуял, и я не смог придумать ничего другого.

Словно подслушав его слова, из-за поворота коридора к беседующим вышел Бондарь.

– Ага, вы здесь. Можно зайти?

Смехов молча распахнул перед ним дверь приёмной, где его ждал витс-секретарь, открыл дверь кабинета.

Все последовали за ним.

– Э-формат, – сказал Бондарь.

Смехов молча включил блокировку кабинета.

– Что случилось, полковник?

– Она не та, за кого себя выдаёт!

Директор ФСБ посмотрел на Ромашина.

– Кто?

– Ева Рутберг.

– Я проверил – это Ева Рутберг, инспектор ГУИН, совершенно точно.

– И всё же она – не она. Точнее, в ней сидит «наездник».

– Аппаратура контроля ничего не обнаружила.

– Это нано-уровень.

– Заявление серьёзное. Основания?

– Мне тоже показалось, что она «штатается», – сказал Артём. – Как она вышла на наше Управление?

– Позвонила Майклу.

– Уверен, что инвазеры вселили в неё пси-агента, – сказал Бондарь.

– Зачем?

– Им хочется знать, насколько мы готовы к новому противостоянию и сможем ли перехватить Ульриха, которому явно дали новое задание.

– Я был уверен, что инвазеры ушли. Что предлагаете делать? Взять её?

– Нет смысла, агент покинет носителя, и только. Давайте попробуем проследить за ней.

– В таком случае надо немедленно вставать «на уши»! – Смехов перевёл взгляд на Артёма. – Другище, постарайся найти Игната. И поговори с Селимом. Может быть, он даст дельный совет.

– Хорошо, – сказал Артём.

Глава 3

Космос велик

После того как им стала доступна древняя транспортная система Червей Угаага, «струны» которой пронизывали пространство Метагалактики во всех направлениях на миллиарды световых лет, Игнат понял, что он совершенно не знает, что такое *космос*.

Да, он не раз любовался звёздным небом с поверхности разных планет, наблюдал за скоплениями звёзд и галактик с борта космических кораблей и даже преодолевал значительные расстояния – до десяти тысяч световых лет, отделявшие Землю от того же Полюса Недоступности, родины мамы. Но он никогда прежде не был так свободен в выборе направления и никогда не познавал столько нового и необычного, как в этом «туристическом походе» по Метагалактике с любимой девушкой, равно жаждущей познать неизведанное.

Началось же всё с предложения Лилии отдохнуть где-нибудь в экзотическом месте Солнечной системы.

– Мы имеем полное право расслабиться, – согласился Игнат, когда они покинули борт спейсера «Непобедимый» после боя с Ульрихом Хорстом и эмиссаром инвазеров. – Предлагай варианты.

– Плутон.

– Неплохо. Я там был, видел два больших спутника и гулял по ледяным торосам Моря Прозрачности.

– Что такое Море Прозрачности?

– Его называли так потому, что лёд там абсолютно прозрачен до глубины в несколько километров.

– Хорошо, если ты там был, выберем другое: спутники Сатурна. – Лилия оживилась. – Поищем бриллиантиды! Вдруг они ещё где-нибудь остались в кольцах Сатурна?

– Отец был знаменитым сатурн-дайвингером. Хотя бриллиантиды на самом деле не были друзьями бриллиантов.

– Я помню, это зародыши «джиннов». Давай полетим на Меркурий.

– Можно и на Меркурий, в гости к полковнику Селиму. А что, если попросить у него попользоваться его «червивым» метро? Один раз мы уже его активировали, было здорово.

– Ага, еле ноги унесли из Метадомена самих Червей.

– Так то ж мы не знали, как им управлять. А теперь знаем. По идее, метро Червей пронизывает всю нашу Вселенную. Вот это был бы поход!

– Думаешь, Селим разрешит? – засомневалась Лилия.

– Спросим.

– Ладно, давай встретимся как обычно, через час в первом метро Рязани.

– Ты домой?

– Приведу себя в порядок и соберусь.

– Можно я с тобой? Мне не нужно приводить себя в порядок.

Лилия с подозрением посмотрела на обманчиво простодушное лицо Игната.

– Хорошо. Но уговор: интим не предлагать.

– Да ни боже мой! – клятвенно прижал он руки к груди.

И они полетели в Клин, где жила Лилия.

Но без интима не обошлось. Оба жаждали иных впечатлений, тянулись друг к другу, им было приятно даже просто прикасаться рука к руке, локоть к локтю, с нежной дрожью и предвкушением близости, и уберечься от нахлынувшей страсти в тишине гостиной Лилия не смогла. Да и не хотела. Голова кружилась уже под откровенным взглядом Игната, а его шёпот:

«Любимая! родная! желанная моя! жить без тебя не могу!» – и вовсе погасил желание думать о чём-либо другом.

Потом Лилия залезла в акваблок, а Игнат позвонил отцу:

– Мы улетаем.

– Далеко? – рассеянно осведомился Артём.

– Лилия согласилась посмотреть на экзоты. Вернёмся – сыграем свадьбу.

– Свадьба – это хорошо, мама будет рада. Но как вы собираетесь посмотреть на экзоты?

Какие именно?

– Какие – мы ещё не выбрали. У Селима на Меркурии хранится «скелет» Червя...

– Тот самый, которым вы уже пользовались? Он же практически «сдох»... э-э, прошу прощения, потух.

– Им пользовался и Селим, и ничего, сработал «червячок».

– Вряд ли вам удастся его реанимировать, он слишком стар. Ты мой сын, и я не хочу, чтобы ты рисковал без меры. Тем более что хочешь взять с собой будущую жену.

– Мы попросим Селима проверить работоспособность «скелета», – поспешно сказал Игнат. – Если он не пригоден, попутешествуем по Галактике «автостопом». Надеюсь, вы дадите мне карт-бланш?

– Не наглей.

– Да я пошутил, – засмеялся Игнат. – Хотя хотелось бы иметь разрешение на использование кое-какого транспорта вне Земли. До связи, пап, позвоню, когда соберёмся.

Отцу после этого он так и не позвонил, отчего совесть иногда просыпалась и зудела осой, напоминая о данном обещании.

Через час после сборов – Лилия собралась быстро вопреки вымыслам о медлительности блондинок – они посетили отдел снабжения УАСС, переоделись в новые «кокосы», пригодные для работы в открытом космосе, и нанесли визит Селиму фон Хорсту, перенесясь с Земли на Меркурий по ветке метро, код которой знали только двое: Игнат и его отец.

Инк по имени Йоган, обслуживающий владение бывшего полковника контрразведки, пропустил гостей как давних знакомых.

– Хозяина нет дома, – сообщил он приветливо, – но вы можете располагаться здесь на любой срок и пользоваться любыми вещами.

– Он не сказал, где его можно найти? – поинтересовался Игнат.

– К сожалению, нет.

– А специально нам ничего не оставил?

– Открыл доступ к транспортному терминалу.

– Это славно. Что ещё?

– Ещё сказал: «Дохлого «червяка» не трогайте, линия висит на последнем предохранителе. Лучше поищите другой выход на «червивое» метро».

Игнат и Лилия переглянулись.

– Что он имел в виду?

– Что есть другой «скелет червяка» с выходом в метро Угаага, – предположил Игнат. – Или «глаз Мраг-Маххура», которым пользовались отец и мама на Полюсе Недоступности. Через него они не один раз попадали в мир Червей.

– В таком случае нам надо лететь на Полюс.

– Какая разница? Мы всё равно собирались путешествовать. Начнём с Полюса. А если найдём рабочий терминал метро Червей, сможем полюбоваться экзотами.

– Я бы хотела посмотреть на Великий Океан! – мечтательно проговорила Лилия. – Судя по всему это выступ Метавселенной иксоидов в нашей Метавселенной.

– А Великая Стена – выступ вселенной Червей. Мы там с тобой были. Боюсь, мир Червей схлопнулся, и мы туда теперь не попадём. Селим рассказывал, что был в пограничном слое, окружающем Великую Пустоту.

– Порождение инвазеров.

– Можем махнуть и туда.

– Ничего мы пока не можем. Если этот «скелет» Червя не работает как вход в метро, а второй не отыщется, мы останемся при своих интересах.

– Не останемся, – беспечно махнул рукой Игнат. – Вдвоём мы с тобой видим гораздо больше любой системы датчиков, просто придётся поднапрячься. Ты готова?

– Как пионер! – подняла Лилия руку.

Она верила ему свято, и от этого силы Игната росли как от укола адреналина.

В подземном бункере Хорста-старшего они не задержались.

Побродили по пещерам и тоннелям, образующим ажурную сеть в глубинах коры Меркурия, нашли зал со «скелетом» Червя Угаага, насыщенный «запахами» иной физики.

Гофрированная труба Червя ещё больше ссохлась, покрылась узором дыр, и хотя генератор таймфага внутри её ещё «дышал» – по ощущениям обоих, пользоваться им было опасно.

– Нет, рисковать не стоит, – сказал Игнат с сожалением. – Он и в самом деле еле дышит, да и в прошлый раз перенёс нас с трудом. Придётся искать другой выход.

– Где? – полюбопытствовала девушка. – На Полюсе?

– Если мы начнём суетиться и бегать по космосу в поисках терминалов Червей, потеряем время.

– Но ведь Селим сам предложил искать выход в «червивое» метро.

– Прежде всего давай думать. Он знает наши способности. Судя по его предложению искать метро, он знает, что выходы в метро есть. Иначе не предлагал бы. Логично?

– Не совсем. Почему он тогда сразу не дал координаты терминала?

– Потому что не знал, что мы захотим попрыгать по космосу.

– Это уже ближе к истине, – улыбнулась Лилия.

Игнат поцеловал её, чувствуя радостное возбуждение: она была готова пойти за ним хоть на край света, не требуя никаких объяснений, и это окрыляло. И заставляло думать об ответственности за жизнь любимой.

– Идём дальше. Полковника нет ни здесь, ни на Земле. Значит, он тоже путешествует. Земное метро привязано к планетам и звёздам, уже изученным людьми, не считая исследовательских станций. Вряд ли они ему интересны. Значит, он гуляет там, где не ступала нога человека. А как можно попасть в места, где не ступала эта нога? Только через метро Червей, пронизывающее весь наш родимый космос. Логично?

– Ты безупречен!

Игнат ещё раз поцеловал девушку.

– Вот и давай искать терминал, через который наш полковник входит в «червивое» метро. Он обязан быть!

– Не понимаю, что значит – искать? Где? На Земле? На других планетах? У других звёзд? Даже если мы запросим Стратега вашего Управления, вряд ли он имеет такие данные.

– Это земная логика. Обопрись на ксенологику, которую ты изучала в институте, а ещё лучше – на логику УММа. Слабо?

Лилия надула пунцовые после поцелуев губки.

– Не издевайся.

– И не думал издеваться. Селим говорил, что Черви Угаага не раз посещали Солнечную систему и обследовали планеты. Меркурий они пробуравили, как земные черви – яблоко, побывали на Луне и на спутниках Юпитера и Сатурна. Где ещё они могли оставить терминал своего метро?

– Да везде. Даже на Земле. Сколько зафиксировано случаев бесследного исчезновения людей? Сотни! Особенно в горах. Любопытные находили пещеры, проникали внутрь, не понимая, что влезают в нутро Червя...

– И тот отправлял их к чёрту на кулички!

– Ну да.

– Хорошая идея. Однако вспомни: Черви не только оставляли терминалы, как на Полюсе – «глаз Мраг-Маххура», но и сами исполняли роль таймфага. Селим нашёл в меркурианских пещерах одного из них. А где сдох один Червь...

– Не говори так, они были разумными существами.

– Скорее – доразумными, по твоей же концепции эволюционных рядов разумогенеза. Это мы – разумные.

– Сильно сомневаюсь, – фыркнула Лилия.

– Согласен, зачастую мы слепы, беспомощны, убоги и неразумны гораздо больше, чем может позволить себе разумное существо. Хотя я на самом деле говорил о человечестве как о **системе**. После неё появится наш гуманоидный «ум за разумом». Но не суть. Может, на Меркурии остался ещё один мёртвый Червь? И Селим пользуется им?

Лилия подумала.

– Надо поискать.

– Вот и давай искать. Не найдём – полетим на Луну.

– А если не найдём нигде? Попросим помощи Селима?

– Отличная мысль, – кивнул Игнат. – Вдвоём мы справимся с любой проблемой. Недаром говорится: одна голова – хорошо...

– А с телом лучше.

Он засмеялся.

– Здорово мы дополняем друг друга.

– Чур, я голова! – вскинула руку девушка.

– Я согласен быть кем и чем угодно, а уж тем более телом, – обнял он её.

После этого они и начали искать умершего в Солнечной системе Червя Угаага, собратья которого оставили тысячекилометровой длины ходы в толщах горных пород многих планет. Что они там искали, оставалось непонятным, но ходы существовали, и даже на Земле они прослеживались в континентальной коре и под океанами, поскольку миллионы лет назад расположение материков было иным, и многие из них скрылись под водой.

Меркурий, истыканный ходами Червей чуть ли не до ядра, искателей «червивых» могильников не обрадовал.

Они объединили свои экстрасенсорные «локаторы», потратили на пси-прощупывание планеты несколько часов, однако работающего в режиме ожидания иновселенского таймфага не обнаружили. Точнее, сначала наткнулись на два десятка энергетических ядер, начали исследовать каждое и поняли, что все они принадлежат сети метро людей, живущих на Меркурии. Ни один из пульсирующих в пси-поле контуров не походил на терминал Червя Угаага.

Лилия приуныла.

Однако Игнат (в глубине души разочарованный не меньше) не подал виду, что их надежды тают, и предложил подруге обследовать Луну.

Для этого они вернулись на Землю, покопались в архивах УАСС и ФСБ и нашли подробные материалы по делу «спящего джинна», обнаруженного американскими астронавтами в глубинах пород Моря Спокойствия более ста лет назад. Будучи сотрудником контрразведки, Игнат легко получил разрешение на изучение материалов, а потом и доступ к лунным объектам, в том числе – пещерам, в одной из которых сотрудники частной компании «Демоны мрака» и нашли артефакт, названный впоследствии «спящим джинном». О том, что это на

самом деле боевой гиперптеридский робот, помещённый неизвестно кем и с неизвестными целями в саркофаг на Луне миллион лет назад, они не знали.

– Что ж, теперь полетели на Луну, – сказал Игнат бодро, когда дело о «джинне» и о подвигах прадеда Игната было прочитано. – В средствах мы не ограничены, время у нас есть, было бы только желание. Есть у тебя такое желание?

– Правильно заданный вопрос не нуждается в ответе, – назидательно заметила Лилия. – Пока мне всё интересно. Я не знала, что твой прадед участвовал в операции по захвату «спящего джинна». Вернее, знала только общие положения. А он у тебя прямо герой.

– Я в него! – выпятил грудь Игнат. – Заметно? Мы даже похожи как близнецы, отец говорил.

– Ты хвастун!

– Он протаранил «джинна», заставив его убраться с Земли, а я дал по морде инвазеру, заставив его убраться из Солнечной системы. И с какой стати я хвастун?

– Тебе помогли.

– Ему тоже.

Взгляд Лилии стал растерянным, и он поспешил перевести свои слова в шутку. Обнял девушку.

– Прости, я, конечно же, дурачусь. Мне далеко до прадеда, но я буду стараться.

Лилия с облегчением выдохнула.

– Хвастовство тебе не к лицу. Я полюбила тебя не за подвиги и спортивную фигуру, а за...

– Ум? – хитро ухмыльнулся он.

– Ты не исправим!

– В таком случае исправляй меня, – заявил он, не выпуская её из объятий.

– Отпусти.

– Не могу, приклеился.

– Отклеивайся немедленно! А то...

– Что?

Глаза их встретились.

Потом непонятно как оба оказались в спальне Лилии; с архивными инками они связались из её дома.

Делами занялись позже, пока не утолили жажду обладания друг другом, которой давно уже не стыдились. Ласки – тоже язык, язык любви, но им нельзя разговаривать бесконечно долго.

Пообедали в ресторане «Золотой Клин», собрались в долгую дорогу, хотя ещё не знали, куда закинет их судьба. Дело увлекло их настолько, что даже Лилия почувствовала такой же азарт, что и Игнат, которому не терпелось побродить по сказочно красивым местам, где ещё ни разу не был ни один человек.

Ещё раз пробежали глазами текст дела под названием «Демон» с грифом «секретно».

Бункер с «джинном» нашли на окраине лунного Моря Спокойствия работники частной американской компании «Демоны мрака», сотрудничавшей с военными фирмами, которые занимались разработкой рудников редкоземельных элементов. На глубине километра шахтёры компании наткнулись на громадный шар диаметром около четырёхсот метров, оболочку которого не смогли просверлить плазменные буры.

Поскольку идеальная форма и неизвестный материал оболочки объекта явно указывали на его искусственное происхождение, открытие засекретили так, что ни научная, ни околонучная общественность Земли ничего об этом не узнала.

Объект назвали «Зеро», его исследованием сначала занималась спецлаборатория «Суперхомо», принадлежащая компании «Демоны мрака», потом лаборатория Института технологии военно-космических сил НАТО. Как они исследовали объект, какие результаты полу-

чили, в материалах архива ФСБ сведений не нашлось, но в один прекрасный момент объект «Зеро» взорвался, и на поверхности Луны образовался кратер диаметром в три километра и глубиной в один.

А спустя сто десять лет на Земле стали происходить странные события, связанные с дрейфом «спящего джинна».

– Ничего мы на Луне не найдём, – огорчилась Лилия. – Там и без нас всё перекопали, изучая кратер.

– Может быть, и не найдём, – согласился Игнат. – Тогда полетим на Полюс Недоступности. Но вдруг повезёт? Во-первых, Черви Угаага рыли тоннели и на Луне, это доказано. Во-вторых, они устанавливали свои машинки для мгновенной транспортировки под всеми могильниками с «джиннами», используя самих «джиннов» в качестве генераторов энергии. Уверен, бункер со «спящим джином» на Луне не был исключением. Вполне возможно, что такая же машинка осталась и там, под объектом «Зеро».

– Почему же её не нашли?

– Потому что в те времена никто не знал ничего о «джиннах», а тем более о Червях.

– Надо проверить.

– Раз плюнуть!

– Послушай, я чего-то не дотумкала. – Лилия кивнула на виом домашнего инка, в котором всё ещё висели тексты дела. – Там написано, что объект «Зеро» найден в две тысячи девятью шестом году, то есть триста с лишним лет назад, а хулиганить «спящий джинн» начал аж в две тысячи двести восьмом.

– Ты не учила историю? – удивился Игнат.

– Почему не учила? – не поняла Лилия. – Учила, только всегда была к ней равнодушна.

– Я тоже не сильно уважал эту дисциплину в школе, но помню, что в середине двадцать третьего века какой-то религиозный умник сделал открытие, что Иисус Христос жил на сто сорок четыре года раньше, чем считали. ООН – тогда ВКС ещё не было – утвердила новое летоисчисление «от Рождества Христова», и мы теперь живём не в двадцать четвёртом веке, как было бы, не меняй чиновники календарь, а в начале двадцать пятого.

– Поняла. По-моему, дурацкая затея с календарём.

– Сколько их было, этих затей. То часы переводили на час вперёд, то на час назад, то отменяли пояса, в общем, забавлялись чиновнички. Но для нас это не имеет значения. Будем «копать» Луну?

– Будем! – сжала кулачки Лилия.

«Копали» Луну сначала из дома Лилии. Объект «Зеро», вернее, кратер на его месте «дымил» в пси-диапазоне, однако ничего конкретного «копателям» не показал.

Тогда они посетили отдел снабжения ФСБ в здании УАСС под Рязанью, Игнат получил по запросу контейнер ярко-синего цвета, который можно было носить за ручку или за плечами, как ранец, и пара путешественников перепрыгнула на Луну, в город-купол Спокойный на южной окраине Моря Спокойствия. Там они взяли вакуумплотный четырёхместный куттер и полетели к дыре в поверхности Моря, оставленной почти двухсотлетней давности взрывом.

Кратер Игната не впечатлил. Луна была испещрена гораздо более глубокими и большими кратерами, сохранившимися благодаря отсутствию воздуха со времён бомбардировки Луны астероидами миллиарды лет назад. Единственное, чем кратер отличался от других подобных воронок, было его свежее происхождение – он выделялся цветом выброшенных взрывом глубинных пород, и то, что воронку проделал не метеорит, а именно внутрилунный взрыв, так как кратер выглядел как идеальный конус.

– Хорошо бухнуло, – покачала головой Лилия, разглядывая кратер сквозь прозрачный блистер кабины модуля; аппарат завис над поверхностью Моря Спокойствия на высоте одного

километра, носом вниз. – Если «джинн» остался невредим, так как его потом нашли на Земле и что здесь взорвалось?

– В отчётах об этом ни слова, – сказал Игнат. – Могу предположить, что бункер взорвали специально, чтобы никто не догадался о находившемся там объекте. Но сдаётся мне, произошло то же самое, что и на кладбище «джиннов» на Полюсе. «Джинна» упаковали в силовой кокон, перенесли на Землю, а оставшийся могильник, лишённый его поддержки, скатился к трёхмерности и рванул как бомба.

– Да, я не подумала об этом. Скорее всего так и было. Ты что-нибудь видишь в кратере?

– В самом кратере не вижу, а чуть ниже, в глубине, метров в пятидесяти под ним, что-то «шевелится и «стреляет» искрами.

– Мне тоже кажется, что там прячется что-то живое.

– Объединяемся и смотрим.

Лилия подсела ближе, обняла Игната за плечи, хотя такого тесного контакта и не требовалось; объединение ментальных полей происходило по другому принципу и практически на любых расстояниях.

Игнат сосредоточился на лоцировании кратера.

Как порыв ласкового свежего ветра пришла волна энергии от Лилии, заставив «играть» все мышцы тела. Ощущение было очень приятным.

Он стал видеть не только пористые, усеянные мелкими камнями стенки кратера, но и то, что пряталось в глубине.

– Пещера...

– Вижу! – эхом отозвалась девушка.

– А в ней кольцо...

– Это Червь!

Игнат вышел из состояния «резонирующей струны».

– Всё-таки мы с тобой классные экстрасенсы!

– Я хвостик экстрасенса, – слабо улыбнулась Лилия. – Даже если под кратером, а точнее, под объектом «Зеро» и прячется Червь, мы туда не доберёмся.

– Это ещё почему? У нас есть неймс. Пробьём дырку.

– Откуда у нас неймс?

– Нам дали комплект АКВ.

– Что такое комплект АКВ?

– Для выживания в экстремальных условиях. В нём есть неймс.

– Это же оружие.

– В первую очередь это рабочий инструмент для нейтрализации препятствий в шахтах. А оружием, между прочим, может послужить любая обиходная вещь, даже зубочистка.

– Ты шутишь.

– Ничуть.

– Хорошо, уговорил. Если Селим пользовался этим же Червем, он тоже пробивал дырку? Игнат почесал затылок.

– Может, он пользовался другим Червем. А может, к этому ведут лунные тоннели, и он знал нужный ход.

– Как мы узнаем?

– Да просто посмотрим, как сейчас смотрели.

– Я тупая, – с огорчением проговорила Лилия.

– Я люблю тупых девчонок, – засмеялся он. – Держись за меня, включаемся.

Струйка энергии снова омыла сознание как ключевая вода – разгорячённое лицо.

Игнат «расправил крылья», вознёсся мысленно над кратером, включил «третий глаз», разглядывая лунный пейзаж под куттером.

Чёрно-коричневая воронка кратера стала прозрачной, серебристыми волокнами в толще лунных пород выделились тоннели, трещины и пещеры. Неровная полусфера с колечком Червя Угаага (лишь бы это и в самом деле был Червь!) соединялась с сетью волокон тонкой «трахеей», и стало ясно, что к пещере с Червем действительно можно подобраться снизу, следуя изгибам естественных и искусственных тоннелей.

Игнат поднял аппарат повыше, проследил ближайшие к пещере под кратером серебристые веточки. Две из них упирались в скалы, третья обрывалась в небольшом, но глубоком кратере естественного происхождения. Длина этого тоннеля достигала двух километров.

– Нашёл! – радостно воскликнул Игнат.

– Я поняла, – откликнулась Лилия. – Странно, что здесь не работает ни одна экспедиция.

– Во-первых, ничем особенным этот участок Луны не выделяется. Во-вторых, кратер после взрыва исследовали долго, ничего не нашли и забросили. В-третьих, здесь «пахнет» чужой физикой, не чувствуешь?

Лилия сморщила носик.

– Я не обладаю таким нюхом, как ты. Недаром папа сказал, что ты интрасенс.

– А мне мой отец сказал про тебя, что ты имаго ангелоида. Ужас, что будет, когда имаго превратится в бабочку!

– Обидеть хочешь?

– Ничуть не бывало! Просто я уверен, что ты уже сейчас должна слышать неслышимое и видеть невидимое.

– Я не волшебница. Да и ангелоидов, если они существуют, вряд ли можно отнести к волшебникам. Их сила – в коллективном разуме.

– В коллективной зауми, ты хочешь сказать? Сама говорила – это «ум за разумом».

– Не ёрничай. Мы летим туда, к пещере, или не летим?

Вместо ответа Игнат лихо кинул куттер к валу ближайшего кратера, за которым началась ослепительно-белая под лучами низкого Солнца равнина Моря Спокойствия. Левее, в паре километров от куттера, просверкнул идущий параллельным курсом какой-то лунник, но его пассажиры спешили по своим делам и на манипуляции путешественников не обратили внимания.

Им повезло. Несмотря на то, что найденный выход из пещеры прятался в обломках каменной осыпи под валом того самого кратера, который нашёл Игнат, обоим удалось пробраться между глыбами лунного базальта в пещеру.

– Дальше придётся идти пешком, – сказала Лилия, с любопытством разглядывая искрящиеся бисером в лучах наплечных фонарей стены грота.

– Не хотелось бы, – признался Игнат, оценивая размеры естественной с виду полости. – В крайнем случае пойдём на антигравах. Но здесь мог бы пройти и куттер.

– Не пройдёт, щель слишком узкая. Мы сами с трудом пролезли между обломками.

– Щель можно расширить.

– Чем? Кирками? – пошутила девушка.

– Ты всё время забываешь про неймс. Его мощности должно хватить, чтобы деструктурировать пару крупных глыб. Жди меня здесь, я вернусь к модулю и пробью дыру. А ты стань подальше, вон к той стене.

– Я боюсь, – простодушно сказала Лилия.

– Здесь никого нет, иначе я бы почувствовал.

– Хорошо.

Игнат вылез из грота на склон кратера, сел в куттер, открыл контейнер, достал неймс, похожий на старинный пистолет с толстым квадратным в сечении дулом, проверил заряд.

Куттер взлетел, подплыл ближе к стенке кратерного вала, окунулся в осязаемо плотную тень: при полном отсутствии воздуха на Луне лучи Солнца не рассеивались, поэтому прячу-

щийся в тени любой горки предмет увидеть было невозможно, если не иметь специальные фильтры или инфракрасную оптику. Однако диапазон зрения Игната позволял ему хорошо видеть в темноте, и он свободно ориентировался в лунной тени. Открыл блистер аппарата, навёл ствол неймса на угловатые каменные обломки, загромождавшие щель.

Луч нейтронизатора молекулярных связей был невидим, но по тому, как камни начали трескаться и превращаться в облака пыли и дыма, расплывавшиеся по склону кратера, стало ясно, что неймс работает.

– Нас не заметят? – прилетел тихий призрачный голосок Лилии. – Над Луной летает куча всяких станций. И я где-то читала, что юг Моря Спокойствия принадлежит китайцам.

– Пусть попробуют предъявить претензии, – беспечно отмахнулся Игнат. – Мы ничего незаконного не делаем.

– Частный сектор может охраняться.

– Тогда я покажу своё удостоверение.

– Ты скоро?

– Уже сверлю дыру, жди.

Неймс закончил свою работу. В условиях слабого лунного тяготения облака пыли, оставшиеся от камней, оседали медленно, однако через несколько минут стала видна неровная глотка пещеры, очищенная от каменной осыпи.

Игнат подвёл аппарат вплотную, примерился.

– Лилиан, ты где?

– У стены, вижу, что дыра стала больше.

– Пробую протиснуться.

– Проходим, – сообщил инк-пилот модуля, оборудованного всеми системами предупреждения.

– Вперёд!

Аппарат протиснулся в пещеру, окунаясь в чернильную, плотную как нефть темноту. Прожектор высветил усеянные кристалликами стены грота, уходящего сужавшейся кишкой в неизведанные дали, и фигурку Лилии в полусотне метров от входа.

– Забираем её.

Пилот послушно нырнул к девушке, открыл люк, затем, когда она пробралась в кабину, повёл аппарат в глубь хода.

– Мне почему-то кажется, что Селим здесь не был, – прошептала Лилия, не потерявшая боевого азарта.

– Мне тоже, – признался Игнат. – Наверно, он знал местонахождение другого Червя. Но теперь уже дойдём до конца.

Ход вильнул влево, уткнулся в другую пещеру, и стало видно, что этот тоннель проделан в базальте искусственным путём. Он был абсолютно прямой, ровный, круглый и словно облитый водой: оплавленные стены его покрывала радужно отсвечивающая глазурь.

– А вот это уже дело рук Червей, – сказал довольный Игнат.

– Если учесть, что ни рук, ни ног у них не было...

– Это образное выражение. Никаких сомнений, Черви знали о наличии бункера-могильника с «джинном» и прокопали к нему ход. Может, один из них там и остался.

Куттер увеличил скорость.

Два километра до кратера, образованного взрывом объекта «Зеро», он преодолел за пять минут.

На всякий случай Игнат остановил аппарат перед дырой выхода тоннеля в пещеру с Червем, поискал скрытые устройства ограничения доступа, но ничего не обнаружил. Черви Угаага не оставляли в своих ходах ловушек и взрывных механизмов.

Пещера распахнулась перед путешественниками ребристым куполом с двухметровой дырой в центре полусферы. А под ней на полу пещеры располагалось кольцо, напоминающее устье колодца с толстыми, отблескивающими металлом стенками. На Червя Угаага это кольцо не походило никак.

– Это не Червь! – разочарованно выдохнула Лилия.

– Зрочок «глаза Мраг-Маххура», – пробормотал Игнат, раздувая ноздри. – Отец не раз находил такие колодцы на Полюсе и пользовался как терминалом метро.

– Но ведь столько лет прошло!

– Колодец ещё «дышит», чуешь запах? Пошли, посмотрим.

Они спрыгнули на бугристый, покрытый слоем пыли пол пещеры, освещаемые прожектором куттера, приблизились к устью колодца, высота кольца которого достигала метра. Но кольцо было слишком толстым, больше метра, что не давало возможности заглянуть в колодец, поэтому пришлось взбираться на его край.

– Ух ты! – сказал Игнат, разглядывая чашу с зеленовато-светящимся дымом на глубине трёх-четырёх метров. – Точно такой, как рассказывал отец!

– Кто?

Игнат помог девушке влезть на кольцо.

– Стартовый колодец «червивого» метро. А вверху, – он показал на отверстие в куполе, – должен был быть «глаз Мраг-Маххура» – линза, похожая на глаз. Сейчас её нет, потому что произошёл взрыв.

– Там был вход в бункер с «демоном»?

– «Глаз» каким-то образом откачивал энергию «джинна». Когда бункер взорвался, линза, очевидно, рассыпалась на осколки, поэтому осталась только дыра. Но главное, что терминал функционирует, судя по светящейся в колодце плазме.

– Плазме?

– Ну, я не знаю, что это такое на самом деле. Может быть, испарения чужой физики. Разные мерности пространства порождают процесс «аннигиляции» дополнительных измерений. Какая тебе разница?

– Я хочу разобраться, – упрямо свела брови в одну линию девушка. – Тебе не кажется, что мы слишком просто добрались до этого колодца с терминалом?

Игнат ответил не сразу, зачарованно глядя на время от времени всплывающие из зеленоватого марева фонтанчики.

– Нет, не кажется. Мы первые, кто подумал о возможном присутствии Червя на Луне. Поэтому здесь и не догадались устроить раскопки, а тем более оставить какую-нибудь автоматическую засаду. Знал, наверно, только полковник.

– Я не понимаю, каким образом колодец становится терминалом метро.

– И тем не менее это факт.

– Черви Угаага ни имели ни рук, ни ног, ни каких-либо эффекторов.

– Ты хочешь сказать, непонятно, каким образом они создавали искусственные объекты, подобные терминалу?

– В общем, да.

– Значит, существовали какие-то технологии, тем более, что количество измерений пространства в мире, где жили Черви, было больше трёх.

– Они же просто... черви! Гигантские черви! И всё. А устройство для мгновенной транспортировки материи – сложнейшая вещь!

– Как говорил один философ⁷: «Убеждение, что изготовить сложную штуку может только ещё более сложная и хитрая штука, это нисходящая теория творения». Ни один человек не

⁷ Дэниэл Деннет, американский философ.

может сделать тот же таймфаг, пользуясь только руками и головой, и тем не менее его разрабатывали люди и сделали люди.

– И всё равно этот колодец... – Лилия поискала термин: – Прост только с виду. Да и куда может занести нас – неизвестно. А если опять в Метавселенную Червей?

– Отец с мамой там были. Мы тоже там были и спокойно вернулись.

– Ага, спокойно, еле ноги унесли.

– Да, скорее всего, Мир Угаага свернулся в плоскость или вообще в точку. А жаль, мы могли бы посмотреть на него со стороны, ведь это, наверно, та самая Великая Стена, создающая выступ Метавселенной Угаага в нашей Вселенной. Представляешь, какой великолепный туристический рай исчез? Твёрдый вакуум Мира Угаага, планеты-пузыри? От желающих попасть туда отбоя бы не было!

– Ага, и туристы изгадили бы планету-пузырь Угаага за пару дней.

– Не изгадили бы, экологи СЭКОНа быстро навели бы порядок. Итак, леди, мы нашли терминал. Идём дальше?

– Куда?

– Да куда глаза глядят и ноги идут.

– Плохо, если ноги начинают командовать, что делать голове.

Игнат рассмеялся.

– Я помню все свои ошибки и не намерен их повторять. Кто бы нам ни помогал, это может быть только человек, нам доверяющий, такой как Селим. Нам выпала уникальная возможность испытать метро Угаага. Неужели откажемся?

– Я привыкла испрашивать разрешение у вышестоящих официальных лиц.

– Уверю тебя, нам откажут, а если и разрешат, процесс согласования затянется. У тебя появятся новые дела, у меня тоже, и мы будем прозябать в рутине.

– Хорошо, соглашусь. Но, чур, ты оставишь отцу записку, где нас искать в случае чего.

– Кто знает, куда нас занесёт?

Лилия нахмурилась. Игнату пришлось сделать над собой усилие:

– Ладно, сброшу отцу эсмэску, что мы уходим в дальний поход по Галактике. – Он быстро написал короткое письмо. – Что ещё тебя беспокоит?

– Меня смущает одна деталь: Селим не мог знать, что нас заинтересует дальний космос.

– Говори ясней.

– Мы и в самом деле слишком легко получили доступ к «машине» Червей. Я уверена, что нас вывели на неё специально.

– Вывели так вывели, что тут плохого? Кстати, мы действовали по подсказке Селима, если ты помнишь.

– По подсказке его домового.

– Хорошо, пусть будет по-твоему, что из того?

– Если нас вывели на сеть метро Червей, то зачем?

Игнат хотел поскрести макушку, но наткнулся на прозрачный пузырь шлема.

– Ну и вопросы ты задаёшь, госпожа ксенолог! Интересно, это у тебя женская логика просыпается или логика ангелоидов?

– Я не шучу.

– Прости, больше не буду, – поднял он руки. – Если хочешь, я прыгну туда один, а ты подождёшь.

– Ну, конечно, буду я ждать одна. Если прыгать, то вместе.

– Тогда выбирай пункт назначения. Что ты хотела бы увидеть в первую очередь?

– Если можно, сначала куда-нибудь поближе, – забыла о своих опасениях Лилия. – Посмотрела бы на центр Млечного Пути, на другие галактики.

– А подальше? Мы собирались вообще-то добраться до экзотов.

– Решай сам.

– Хорошо, мне всё равно, попробуем прыгнуть поближе к Солнцу, заодно опробуем метро Червей. Подожди, я возьму АКВ.

– Может, не стоит прыгать туда?

– Как же ты собираешься испытывать «червивое» метро?

– Куттер не пролезет?

Игнат оценивающе оглядел колодец, сравнил его размеры с трёхметровым эллипсоидом модуля.

– Знаешь, давай попробуем. Если терминал пропустит модуль, мы будем обеспечены всем необходимым.

Они влезли обратно в куттер, Игнат подвёл его к устью колодца, на дне которого продолжало светиться и вскипать фонтанчиками озеро «дыма».

– Объединяемся по пси и думаем о маршруте. Можно было бы прыгнуть сначала куда-нибудь на планеты Солнечной системы, но это потеря времени. Ближайшее звёздное скопление, так? Знаешь какое-нибудь?

– Лагуна.

– Лагуна... – Игнат наморщил лоб, вспоминая карту звёздного неба. – Туманность М8 в Стрельце, правильно? Пять тысяч световых лет, если я не ошибаюсь. Хорошо, пусть будет твоёму. Эй, кто тут главный? – воззвал он шутливо. – Нам к Лагуне!

Куттер опустился кормой в колодец, окунаясь в зеленоватое марево.

Снизу в кабину аппарата поднялась прозрачная темнота!

Вскрикнула Лилия, цепляясь за локоть спутника.

Темнота пронизала тела путешественников, затопила аппарат, как талая вода. Сознание обоих пассажиров куттера растворилось в этой чёрной бесплотной «воде», как сахар в стакане с чаем.

В отличие от метро, созданного человеком и базирующегося на «суперструнных» технологиях, система мгновенной транспортировки материи Червей Угаага использовала другие принципы, но работала точно так же: кто бы ни входил в кабину терминала – переносился на гигантские расстояния без каких-либо потерь, если не считать временной потери сознания. Когда Игнат и Лилия проделали этот трюк впервые, изучая «скелет» Червя в меркурианском бункере Селима фон Хорста, они не управляли процессом перехода, и компьютер терминала бросил их автоматически в мир Угаага. В этот раз пассажиры перед прыжком думали, представляли то место, куда они хотят попасть, и скрытый контур управления терминалом послушно выполнил их мысленный приказ.

Неизвестно, чем он руководствовался при этом: скорее всего мысленно-чувственным посылом обоих землян, содержащим гораздо больше ориентиров, объяснений, дополнений и эмоций, нежели человеческий язык. Объяснить вербально чужому существу, а тем более компьютеру, куда надо послать пассажиров, вряд ли возможно. Человеческий язык недостаточно информативен для подобных целей, хотя для общения людей меж собой он должен быть – и обладает этим качеством! – избыточно информативен. Но – на другом уровне.

Игнат первым пришёл в себя после провала в «прозрачное облако чёрного света», свернул шлем.

Сердце ёкнуло.

Стенки кабины куттера серебрились инеем, в кабине было холодно и царила невесомость. Но инк-пилот аппарата функционировал.

– Медпомощь нужна? – раздался его тихий вежливый голос.

Игнат услышал вскрик Лилии, рывком повернулся к ней, встретил её затуманенный взгляд.

– Что?!

– Падаем?! – вцепилась она ему в руку.

– Это просто реакция на невесомость.

– В аптечке есть адаптоген, – предложил пилот.

Игнат открыл лючок аптечки, достал оранжевую пилюлю адаптогена, протянул девушке:

– Проглоти, станет легче.

Лилия тоже свернула шлем, положила таблетку адаптогена под язык.

– Могу провести сеанс коррекции, – сказал пилот.

– Не надо. Включи визинг! – скомандовал Игнат.

Стенки кабины стали прозрачными, хотя иней на них какое-то время ещё держался, создавая слабенькую туманную кисею. В кабину хлынул призрачный свет звёзд, усеивавших всю небесную сферу обзора. Хотя небом пузырь пространства вокруг куттера назвать было нельзя. И тем не менее вид был великолепен!

Впереди и чуть сбоку от носа куттера светилась гигантская радужная сеть, пронизанная лучами ярких звёзд. Особой формы она не имела, напоминая сказочные паруса и одновременно светящиеся заросли водорослей на дне моря. Однако Лагуной земные астрономы называли это звёздное образование не зря.

– Боже мой! – ахнула Лилия.

Игнат не ответил, любуясь красивейшим звёздным «пейзажем», хотя и был согласен с оценкой подруги.

Поскольку Солнце и Лагуну разделяло расстояние в пять тысяч световых лет, то её вид в настоящий момент отличался от того, какой видели туманность люди с поверхности Земли. Если бы Игнат знал расположение звёзд в ней, он бы мог сравнить их рисунок с тем, что видел сейчас. Но Лагуной как таковой он никогда не любовался и просто смотрел с восхищением на струи светящегося газа и пыли, пронизывающие звёздное скопление, в котором до сих пор рождались новые массивные звёзды.

– Надо снять...

Игнат оглянулся.

Глаза Лилии стали огромными, она тоже смотрела на звёзды, но не забывала и о видеосъёмке.

– Всё снимается, – заверил её Игнат. – Я не думал, что Лагуна так красива.

– Это точно она?

– Наверно.

– Мы не могли промахнуться?

– Спросить не у кого.

Лилия опомнилась, начала оглядываться, увидела справа от аппарата косо перечеркнувшую «небосвод» полосу искрящейся звёздной пыли.

– А это что?

– Млечный Путь, я так полагаю, вид на нашу Галактику со стороны созвездия Стрельца.

– Значит, инк терминала нас послушался?

– К сожалению, проверить это можно только наглядно, а я не знаю, как отсюда выглядит Лагуна, да и любая другая туманность. Просто верю интуиции: мы на месте. А насчёт инка – вряд ли «червивое» метро управляется такими же компьютерами, как наши.

– Где же он?

– Кто?

– Терминал. Нас просто высадили, и всё?

– Взгляни.

Игнат повернул аппарат, и стал виден освещённый звёздами край какой-то конструкции, состоящей из множества каменных глыб, соединённых кишковидными трубами, имеющими утолщения и более тонкие участки.

- Астероид?
- И не один. По-видимому, Черви соорудили нечто вроде ангара, внутри которого прячется контур таймфага.
- Почему мы не внутри?
- В момент запуска метро в колодце куттер двигался и, очевидно, сохранил импульс, вылупившись здесь. Мы просто выскользнули из терминала.
- Значит, шанс вернуться у нас остался?
- Так ты всё-таки переживала, как мы вернёмся?
- А как ты думал?
- Был уверен, что и ты... – Он подумал: – Тоже уверена. Могу тебя успокоить: если бы я не чувствовал этой уверенности, никогда бы не полез в «червивый» колодец.
- Правда?
- Игнат торжественно прижал ладонь к груди.
- Сеть метро Угаага сохранилась, несмотря на истекшую уйму лет, так что речь идёт не о шансе вернуться, а о нормальной работе узлов приёма-передачи. Черви не создавали бы метро, не имея возможности вернуться туда, откуда стартовали. Поэтому не переживай, всё логично.
- Если учесть, что логика «доразума» может в корне отличаться от нашей, то всё логично. Игнат терпеливо вздохнул.
- Мы попали, куда хотели?
- Лилия перевела взгляд на сияющие «паруса» звёздной туманности.
- Хочется верить...
- Во что?
- В твой гений.
- Мы вместе, а это главное!
- Она обвила его шею руками и поцеловала.
- Мы вместе!
- Ещё с час они любовались на Лагуну с расстояния всего в два световых месяца (оценки Игната и пилота почти сошлись), пили кофе, снимали звёздные панорамы на личные инкомы⁸, потом решили продлить путешествие. Оба ещё не устали и первоначальный туристский запал не потеряли.
- Предлагаю махнуть в противоположную от Солнца сторону, – сказал Игнат. – В созвездии Единорога есть туманность Розетка, не помню её номер в каталоге⁹. Тоже очень красивая. По сути это облако водорода, освещённое изнутри звёздами, и там до сих пор идут процессы звездообразования. А звёзды внутри все очень горячие, классов В и О, с температурой больше десяти тысяч градусов.
- Откуда ты знаешь такие подробности?
- Память хорошая, помню курс астрономии, который преподавал нам в гимназии Антон Осипов.
- Человек?
- Ну да.
- Обычно учителя – либо витсы, либо виртуалы.
- Нет, этот старик так любил астрономию, что и нас заразил. Трое моих одноклассников стали астрономами и астрофизиками. Да и я потом специально изучал звёздные атласы. Ну что, летим к Розетке?
- Я слабо представляю форму...

⁸ Коммуникаторы.

⁹ NGC 2244, расстояние от Солнца – 5000 световых лет.

– Представь красивую розетку из двух десятков звёздно-пылевых шлейфов, этого достаточно.

– Хорошо.

Игнат облетел терминал «червивого» метро, изучая странный объект, летящий в пустоте вдали от планет, и вдруг понял, что трубы с утолщениями и сужениями, похожие на кишки динозавра, на самом деле являются... телами Червей! Он даже ахнул от догадки, заставив Лилию посмотреть на него с удивлением. Пробормотал:

– Черви!

– Где? – не поняла она.

– Трубы...

– Я уже давно сообразила.

– А я только сейчас. Полазить бы по ним...

– Зачем?

– Вдруг отыщем живого Червя?

– Я ничего живого не чувствую.

– Да и я тоже, – признался Игнат. – Ладно, не будем тратить время на ползание по кишкам.

Куттер протиснулся внутрь многогранника между трубами – «скелетами» Червей и многометровыми обломками из неведомого материала (планеты или астероида, из которого можно было выломать камни, поблизости видно не было), и путешественники мысленно попросили местного «инка» послать их в нужном направлении.

Метро не отказало им и на этот раз.

Куттер вынесло на большой «настоящий» астероид, в пещерах которого находился работающий механизм «червивого» метро, и туристы полюбовались на туманность Розетка, мало чем отличающуюся от туманности Лагуна с небольшого – по космическим меркам – расстояния.

Поели. Побродили по пещерам астероида, кружившего по неблизкой орбите вокруг одной из звёзд туманности – голубоватого гиганта во много раз больше земного светила. Поспали.

– Вот теперь заберёмся подальше, – заявил посвежевший Игнат. – Ты не против?

– К экзотам?

– Предлагаю посмотреть на взаимодействующие галактики, названные Цветком Розы. Они располагаются в трёхстах миллионах световых лет от Солнца. Изумительной красоты!

– Я бы хотела к экзотам, – простодушно призналась Лилия.

– А за Цветком Розы как раз и прячется в десяти миллиардах световых лет тот самый экзот, который может быть выступом Метавселенной иксоидов.

– Великий Океан?!

– Великий Граничный Аттрактор.

– Полетели! – кинулась Лилия к нему на шею.

Оба закружились по кабине куттера, внутри которого почти полностью отсутствовала гравитация – как и на всём астероиде, имевшем по ощущениям землян совсем слабое поле тяготения.

И они полетели к Цветку Розы.

А когда увидели две спиральные галактики, соединённые «хвостом» взбаламученных газовых облаков и звёзд, Игнат и сделал вывод, что космос он знает совсем плохо. Для того чтобы знать его хорошо, надо было путешествовать **свободно**, имея возможность посмотреть на космические объекты со всех сторон.

Свободу же им дала сеть метро Червей Угаага, проложенная в пространстве Метагалактики древними мыслящими существами задолго до появления человека на Земле.

Глава 4

Патологический талант

Взлетая с транспортной площадки возле дома на берегу Оки и видя на горизонте массив зданий УАСС, он испытывал такое ликование, удовлетворение и превосходство над сотрудниками всех отделов Управления, особенно Службы безопасности, что уже только одно это скрашивало жизнь. Хотя после бегства с Гуантанамо Ульрих и вынужден был прятать свой настоящий облик под маской динго¹⁰. До поры до времени, думал он. Верилось, что он ещё увидит, как рухнет этот столп российского порядка, как все владыки мира будут лизать ему сапоги.

Два дня после освобождения он прятался на старой брошенной погранзаставе возле дерлока Уренсхофф на севере Финляндии: там никто не догадался бы искать беглого заключённого, исчезнувшего с Кубы как бесплотный призрак и разыскиваемого спецслужбами всех стран.

Эмиссар инвазеров, заговоривший в нём, не подвёл.

Ульриху дали **иную** энергетику и великолепные возможности гипнотического воздействия на людей, чем он и начал пользоваться.

Мало того, он теперь мог дистанционно входить в любые компьютерные сети и взламывать самые секретные серверы, что также помогало ему жить среди людей под личиной туриста из Финляндии Аарво Стукканена.

И ещё одна приятная деталь: ему дали помощника, вернее, помощницу – инспектора американского ГУИН, которая имела хорошие связи в спецслужбах земного сообщества и могла пересекать границы любых государств и Орденов. Именно она помогла ему выбрать временное место жительства и выяснить планы Службы безопасности Всеземной Федерации, а главное – мысли руководителей ФСБ России, которая в недавнем противостоянии одержала верх не над кем-нибудь вроде мифического Салиха бен Ладена, праправнука не менее легендарного террориста двадцать первого века, созданного ЦРУ США для того, чтобы держать в страхе обывателя, но над самими инвазерами, способными гасить целые галактики и создавать объекты размером в миллионы световых лет, такие как Великая Пустота!

О себе – как о проигравшем наравне с инвазерами (надо же, они на самом деле – всего лишь крохотные вирусы, кластеры наночастиц, полный бред!) – Ульрих не думал. Не в силу природного оптимизма: мол, подготовлюсь и достигну желаемого! – а в силу злобного пренебрежения к людям. Он свято верил, что умнее, сильнее и дальновиднее любого из врагов. А врагами он считал всех!

Конечно, он переспал с Евой Рутберг, сумев убедить её «наездника» – эмиссара инвазеров, внедрённого в сознание женщины, – в необходимости этого процесса. Ева была молода, сильна, сексуальна и вполне удовлетворяла его вкусам. Но для новых встреч, уже в России, она готова не была, и «туристу из Финляндии» пришлось самому искать подружек, благо что это оказалось не таким уж и сложным делом. «Цивилизация распушенности» давно дошла до российских городов и дерлоков, и отыскать в клубе или на молодёжной тусовке барышню на вечер было проще простого, тем более что Ульрих владел даром внушения.

Но прежде всего он занялся делом.

Переждав несколько дней поднявшийся в стане всех спецслужб и антитеррористических комитетов Земли переполох, связанный с его бегством, он начал претворять в жизнь план инвазеров, не забывая и о себе.

¹⁰ От слов «динамическая голография» – маскировочное устройство, создающее с помощью нанотехнологий любой объект.

Для них он принялся искать подходы к одной из баз Погранслужбы – Меркурианской, а также изучать материалы о работе хронолабораторий. Для себя попытался отыскать в кольцах Сатурна и на его спутниках «икру джиннов» – бриллиантиды, из которых можно было вырастить боевого гипертеридского робота.

Ради этой цели он даже посетил Энцелад, спутник Сатурна, на котором тоже находили бриллиантиды. Документы у «финского туриста» Стукканена были в порядке, и погранслужба Энцелада без проволочек выпустила его из-под купола исследовательской станции Гершель.

Однако экстрасенсный нюх Ульриху не помог, никаких бриллиантид он не нашёл и вынужден был вернуться на Землю несолоно хлебавши, как говорили русские в Рязани, радушно принимавшие у себя «финского туриста».

Разозлённый Ульрих оторвался на очередной жертве, загипнотизировав молоденькую франчайзершу из местной администрации, и потребовал у собственного агента инвазеров, засевшего в костях черепа облачком наночастиц, дать ему выход на склады оружия.

Ответ был равнодушно-жёстким: выход на базу с оружием породит волну усиленной охоты за беглым заключённым, осуждённым на смертную казнь, и его цели станут недостижимыми.

«Ищи подходы к транспорту, – закончил «наездник» Ульриха, которого он успел возненавидеть за невозможность избавиться от контроля. – Для выполнения поставленной задачи нужен не простой грузовоз, а мощный корабль, обладающий таймфагом и способный мгновенно преодолевать большие расстояния».

«Мне нужен независимый оператор, – угрюмо потребовал Ульрих. – Такой, как «джинн» или на крайний случай моллюскор».

«Ты уже имел возможность контактировать с боевыми роботами своих предков. Где результат?»

«На ошибках учатся. Я учту все свои неверные шаги. Если вы свободно перемещаетесь по космосу, дайте мне выход на кладбище «джиннов», наверняка где-то есть ещё одно, кроме того, что было на Полюсе Недоступности. Можно использовать и моллюскоров, я знаю, как их можно объездить. Где в нашей Метагалактике может находиться схрон с законсервированными моллюскорами?»

«Эта тема вне моей компетенции, я всего лишь Посредник, оператор связи».

«Так какого дьявола ты морочишь мне голову? – рассвирепел Ульрих. – Я не работаю с шестёрками! Так и передай своим боссам!»

«Что такое шестёрки?»

«Hinterfotziger Scheissker!¹¹ Я ещё должен объяснять очевидные вещи!» Дай мне связь с главным, кто у вас всем заправляет!»

«Не вижу смысла. Покровитель скажет то же самое».

«Der Arschvoeglrer ваш Покровитель! Всё равно передай, что мне нужен не тупой работага, а оператор высокого класса, не ниже моего! Уяснил? Иначе и в самом деле задача не будет решена. Земная Служба безопасности работает очень оперативно».

«Я передам твою просьбу».

«Это не просьба – требование!»

С момента той перебранки, по сути – с самим собой, прошло два дня. Ответа не было. Но сидеть сложа руки Ульрих не хотел и принялся за разработку акции проникновения на Меркурианскую погранбазу, имевшую не только модули разных классов, но и фрегат «Мао», способный достигнуть центра Галактики и вернуться обратно. Он был изготовлен как сторожевик давно, лет двадцать назад, в России, продан Украине, которая перепродала корабль Китаю. Китайцы сменили генератор хода судна, превратив его во фрегат, добавили несколько новых

¹¹ Ругательство (нем.).

систем оружия и теперь потихоньку доделывали на базе «Шимоза-2», готовя к походу. Для целей Ульриха корабль вполне годился. Завладев им, беглец мог без особых проблем атаковать любой военный объект Солнечной системы и сбежать в ТФ-режиме, освободившись от погони.

Зная возможности деда, Селима фон Хорста, Ульрих на всякий случай проверил, не участвует ли он в охоте за внуком. Но Селим не отозвался. Его не было ни в усадьбе под Франкфуртом, ни на Меркурии, ни вообще в Солнечной системе. Где он находился в нынешние времена, ни знал никто, даже инки спецслужб, с которыми он изредка поддерживал связь. И Ульрих вздохнул с облегчением: деда он всё-таки побаивался, несмотря на весь свой гонор.

Попытался он найти и Игната Ромашина, думать о котором без скрипа зубов не получалось.

Однако и Ромашин-младший оказался вне поля доступа. По короткой справке Стратега ФСБ – Ульриху удалось вытянуть из инка признание (он смог представиться как старший Ромаши́н – Кузьма, дед Игната, так как хорошо помнил его после попытки ликвидации) – Игнат Ромаши́н отдыхал где-то в космосе, да ещё не один, а с подругой Лилией Эллин. И найти его не представлялось возможным.

«Найду! – пригрозил Ульрих, вспоминая бой с противником, оказавшимся более искусным, чем он. – И фрау твою отымею! У тебя на глазах!»

В субботу утром третьего сентября он созвонился с Евой Рутберг и попросил её прибыть в Чайна-таун на Меркурии.

– Зачем? – предстала пред ним в одном нижнем белье инспектор американского ГУИН. Он облизнул губы, окидывая фантом передачи жадным взглядом.

– Кто-то должен отвлечь руководство базы, чтобы я смог увести фрегат.

– Вы уже подготовили операцию по захвату хроноинвертора?

– Нет.

– В таком случае просьба отклоняется. Обе операции необходимо проводить почти одновременно: захват фрегата и тут же атака на хронолабораторию. Другой случай может не представиться, после угона фрегата СБ перейдёт в режим повышенной боевой готовности. Какую лабораторию вы избрали?

– Подходят две – русская и китайская.

– Я бы посоветовала китайскую.

– Обойдусь без ваших советов! – пренебрежительно бросил Ульрих.

– Хорошо, решаете вы. Скиньте свой план по консорт-линии, когда будете готовы. И ещё одна просьба: в русской Службе безопасности есть Управление внутренних расследований, а в этом Управлении существует спецгруппа «Соло».

– Я в курсе, сталкивался кое с кем из этой группы.

– Командир группы полковник Бондарь догадывается о моей миссии, его надо нейтрализовать.

– С большой радостью, – хмыкнул Ульрих. – Но для выполнения этого задания мне потребуются помощники.

– В вашем распоряжении будет команда витсов.

– Витсов мало, нужны живые люди. Могу предложить...

– Мы помним ваши прежние контакты, ваши люди не надёжны. Будете работать с витсами.

– На них тоже не всегда можно положиться, – скривил губы Ульрих.

– К витсам мы присоединим нанитов, диффузные кластерные системы справятся с любым заданием. Всего доброго.

– Подождите, – остановил Ульрих собеседницу, готовую выключить канал связи. – Мне до разреза необходим... э-э, контакт с женщиной. Меня такие контакты стимулируют. Давайте встретимся.

– Не сегодня, – отрезала Ева Рутберг.
– В таком случае мне, к сожалению, придётся пользоваться... м-м, местным материалом, – ухмыльнулся Ульрих.
– Вы уже пользовались. Прекратите все контакты! Это увеличивает риск обнаружения.
– У меня такая натура, ждать не могу, от этого я бешусь.
Инспектор ГУИН на мгновение задумалась.
– Хорошо, я проанализирую вашу заявку, ждите.
Изображение Евы (ух и хороша, сучка!) растаяло.
Ульрих нервно потёр руки, рассмеялся.
– Понравилось в прошлый раз, фрау Рутберг? Я вас не разочаровал? Великолепно!
После этого он плотно позавтракал в кафе «У Есенина» и принялся изучать базу на Меркурии.

База Погранслужбы «Шимоза-2» представляла собой стандартный порт-купол, в который был превращён один из кратеров сумеречной зоны Меркурия. Диаметр купола достигал восьмисот пятидесяти метров, глубина – двухсот метров. На стартовом поле порта могли одновременно размещаться два фрегата класса «Призрак-5» и три десятка разнокалиберных катеров, от двухместных пинасов до модулей типа «голем».

В настоящее время в порту находился лишь один фрегат «Мао», проходивший предполётную подготовку. Через несколько дней он должен был выйти в «недлинный» космос для рейдирования пограничной зоны Солнечной системы за орбитой Нептуна. Принадлежал фрегат Китаю, но по мандату ВКС все государства обязаны были предоставлять свои корабли для обеспечения безопасности границ Федерации.

Проникнуть внутрь базы можно было двумя способами: через отсек метро и с помощью одного из катеров, постоянно покидавших порт и возвращавшихся обратно. Около десятка таких катеров постоянно использовались в дежурном режиме, привлекаемые к облёту Меркурия с его исследовательскими станциями и энергетическими узлами, принадлежащими в основном частным компаниям.

Оба варианта вполне годились для достижения цели. Главным было проникнуть на базу, после чего добраться до фрегата не представляло особой сложности. Тем более что опыт проведения такой операции Ульрих изучил: перед схваткой с Игнатом Ромашиным на борт фрегата «Бигль», который готовился к походу к Великой Пустоте и находился на стапелях Балт-верфи, прошли диверсанты, запустившие кластеры нанитов. Инк фрегата выбыл из строя в результате нанитной атаки, и поход не состоялся.

Примерно то же самое предстояло сделать и Ульриху, только не разрушать контур управления кораблём, а подчинить его своей воле.

Метро он забраковал. Существовал шанс упустить из виду какую-нибудь мелочь, проходя все ступени контроля, и охрана базы могла отреагировать на проникновение, подняв тревогу. А это означало бы провал миссии.

Поэтому он избрал второй вариант – использовать возвращавшийся из рейда пограничный катер. Для этого надо было знать расписание рейсов, количество дежурных смен, личности дежурных пилотов на борту катеров, время патрулирования и возвращения, а также районы патрулирования, чтобы наметить вектор первого звена операции.

Этим Ульрих и занялся в первую очередь, взломав сервер Погранслужбы сектора возлещенных планет – Меркурия и Венеры.

Затем, после разработки схемы атаки базы, он принялся изучать найденные сведения о лабораториях Института нестандартных физических проблем, занимавшихся экспериментами со временем.

Вообще таких лабораторий оказалось более полусотни, большинство из которых принадлежали военным ведомствам и частным компаниям. Но лишь три из них, по данным Ульриха,

подобрались близко к решению проблемы – хроноинверсии, то есть к реальному путешествию во времени в прошлое и будущее.

Конечно, за всеми экспериментами в этой области пристально следил СЭЖОН, останавливающий любые физические опыты, способные навредить коллективу, городу, стране или цивилизации в целом. История помнила случаи, когда были заморожены уже готовые к пуску объекты, такие как второй тайф – «суперструнный» генератор мгновенной транспортировки материи (первый взорвался, причинив неисчислимые бедствия населению острова Куин в Тихом океане) и новый адронный коллайдер на орбите Венеры. Но опыты в хронолабораториях потихоньку продолжались, и учёные уже потирали руки в предвкушении запуска «машин времени», несмотря на существующие запреты.

Ближе всех подошли к решению проблемы хроноинверсии русские и китайские физики. Причём если русские регулярно сообщали в контролирующие органы о своих испытаниях, то китайские товарищи, слямзившие прототип первого хроноинвертора у тех же русских, всё держали в секрете, и узнать о попытках учёных выйти в прошлое можно было только из утечек сведений в СМИ, либо после случавшихся катастроф, либо взломав китайские компьютерные системы, всё ещё допускавшие такую возможность.

Ульрих проник в тайники обеих лабораторий без особого труда, радуясь подаренной инвазерами способности, но несмотря на менее надёжную систему охраны китайцев выбрал русскую хронолабораторию. Очень хотелось досадить русским ФСБ и ФСОВО – Федеральной службе охраны важных объектов.

Первая лаборатория, а точнее целый научный городок Хронополис, была создана русскими на мысе Светлом, на побережье Карского моря. Потом саму хронолабораторию, названную «Хроночумом» и принадлежащую Институту нестандартных физических проблем, перенесли под Воркуту. Охранялась она в формате «ААА», как и все объекты критической инфраструктуры: космопорты, крупные медицинские центры, объекты экстренных служб, видеокоммуникаций, информтехнологий, энергоцентры и станции метро. И всё же Ульрих остановился на самом сложном варианте, желая не просто отомстить ненавистным русским безопасникам за боль прошлых поражений, но и утвердить своё злобно-трусливое превосходство.

Однако каким бы авантюристом в душе он ни был, разум советовал не спешить с выходом на сцену, и Хорст начал досконально изучать русский «Хроночум», располагавшийся в девятнадцати километрах от северного таунлока под названием Воркута, ставшего столицей Ненецкой провинции России, не уступавшей по оснащению, энерговооружённости и комфорту всемирно известным северным городам Канады, Норвегии и США.

Сначала Ульрих почитал историю создания Воркуты в условиях Крайнего Севера и выяснил, что город был заложен геологами в далёком двадцатом веке, в тысяча девятьсот тридцатом году, в Большеземельской тундре, на месте разведанных запасов каменного угля. Его название переводилось с ненецкого (Ульрих прочитал – с немецкого и сильно удивился, поскольку о ненцах как о нации не знал ровным счётом ничего) как Медвежий Угол. По-видимому, в те времена здесь водились страшные русские звери – медведи. С удовлетворением Ульрих воспринял информацию и о том, что в тех же тридцатых годах и до восьмидесятых в Воркуте находился один из лагерей системы ГУЛАГа – Ухтпечлаг, впоследствии Воркутлаг, куда ссылали заключённых со всей России.

Возрождение Воркуты произошло в середине двадцать первого века, и к началу двадцать четвёртого это уже был современный таунлок, где жили и работали полтора миллиона человек.

Климат здесь, несмотря на глобальное потепление, оставался суровым. Среднегодовая температура едва подбиралась к плюс четырём градусам по Цельсию. Но тундра замораживала, красот хватало, современные технологии позволяли обживать и более суровые места, поэтому

люди охотно селились в самом таунлоке и даже заводили поместья – кому хватало средств – по берегам реки Воркуты и более мелких рек и озёр.

Лаборатория ИНФП «Хроночум» была построена на месте заброшенной в начале двадцать первого века шахты в посёлке Юршор, который давно исчез как человеческое поселение и который называли городом-призраком ещё в конце двадцатого столетия.

Шахту начали строить ещё в тысяча девятьсот сорок четвёртом году, а закрыли в тысяча девятьсот девяносто девятом. Последние жители выехали из Юршора в две тысячи одиннадцатом. В две тысячи двадцатом году закрыли две соседние шахты, а уголь перестали добывать как топливо для энергоцентралей в середине двадцать первого века, после чего исчезла и само ОАО «Воркутауголь», и её посёлки. Человечество перешло на экологически безопасную энергетику, включающую термоядерные электростанции, а впоследствии на технологии откачки солнечной энергии прямо с поверхности Солнца и отсоса энергии из ещё более энергоёмкого источника – вакуума.

Однако в конце двадцать первого века на земли Юршора, освободившегося от старых зданий городка благодаря естественным природным процессам, пришли новые строители и превратили шахту № 29 в полигон первых тайфов – генераторов мгновенной транспортировки материи. Хронолаборатория появилась здесь позже, после американо-китайского конфликта в Арктике, едва не поставившего мир на грань глобальной войны.

Сначала это была лаборатория для проверки теоретических постулатов Единой Теории Поля или как её называли – Теории Всего Сущего. Потом постепенно временной вектор занял основное направление деятельности лаборатории, и она стала целенаправленно экспериментировать с посылкой зондов в прошлое и будущее, проверяя идеи, накопленные наукой к этому моменту.

Подтверждения, удалось ли русским осуществить хотя бы одну попытку «хронопросачивания» – в прошлое или будущее, в найденной информации Ульрих не обнаружил. Но материалы недвусмысленно намекали, что последний хроноген или хроноинвертор (русские называли его между собой «хреном») готов к эксплуатации и уже начались подготовительные работы к запуску.

– Готовьтесь, готовьтесь, – пробормотал Ульрих злорадно, – я вам устрою испытания!

В пакете сведений содержались и физические параметры шахты, переоборудованной в лабораторию.

Она имела три ствола – скиповый, клетевой и вентиляционный, глубиной до шестисот метров, а также выработки глубиной до семисот пятидесяти метров, общая длина которых достигала ста пятидесяти километров.

«Хроночумом» лабораторию называли, очевидно, за сходство формы центрального здания, накрывшего главный ствол шахты, с национальной палаткой северных народов России – чумом.

Расположение отсеков лаборатории и главного её сокровища – хроноинвертора-«хрена» Ульрих изучал долго. Ошибиться было нельзя, инвазеры вряд ли простили бы ему провал доверенной миссии, и он это хорошо понимал.

Подобраться к хроноинвертору можно было разными путями, в том числе из-под земли, используя существующие горизонтальные штреки. Но он избрал самый простой и эффективный, против которого не стали возражать даже невидимый «наездник» инвазеров в мозгу самого Хорста и Ева Рутберг, милостиво согласившаяся ещё раз встретиться с Ульрихом в Рязани, в гостинице «Ока».

– Вы действительно талантливы, мистер Хорст, – заявила инспектор американского ГУИН после обсуждения разработанного им плана операции через консорт-линию. – Хотя ваш талант, по оценкам людей, криминально патологичен. Если миссия, возложенная на вас Покровителем, будет выполнена, вам доверят более сложные и значимые проекты.

– Благодарю покорно. – Ульрих шаркнул ножкой, раскланиваясь. – Рад быть вам полезным. Хотя хочется быть совершенно независимым, в том числе и от вас. Простите за откровенность. У вас, я гляжу, тоже есть крутые начальнички? Кто такой Покровитель?

– Всего лишь функциональная сущность с большими полномочиями, – ответила Ева сдержанно, – созданная из определённого объёма носителей псевдоличностной воли и информации.

– Что вы имеете в виду под носителями? Атомы, что ли?

– Наши друзья – инвазеры, как вы их называете, рождены в другом домене Мультиверсума, где элементарные кирпичики материи имеют несколько иные параметры.

– Кварки, субкварки, суперстринги?

– Мы дадим вам возможность изучить общие данные о нашем мире. Чем больше объём кластера задействованных микрочастиц, тем выше модус оператора. Вас сопровождает оператор связи класса «советчик», меня – оператор анализа и выработки решений класса «задатчик». Все они подчиняются Покровителю класса «ведущий менеджер проекта».

– Звучит совсем по-нашему, – хмыкнул Ульрих.

– Это всего лишь смысловой перевод функций. Если вы помните бой в Институте Внеземных Культур...

– Да уж, такое забыть трудно.

– Вас сопровождал оператор высшего порядка «демиург».

– Тот, кто внедрился в директора Мессермана?

– Советую научиться не задавать ненужные вопросы.

– Помню, это было грандиозное появление! И всё же он умудрился проиграть, этот ваш «демиург».

– Мы так не считаем. Иногда полезно отступить, чтобы нанести удар в нужном месте и в нужное время. Ваш Универсум пока ещё не доступен нам в полной мере, против нас настроены мощные сущности будущей разумной сверхсистемы.

– Не ангелоиды случайно?

– Вы невыносимы!

– Хорошо, постараюсь вопросов не задавать. Значит, вы готовите ответный удар? А я вам помогаю? Как вы собираетесь использовать «хрен»? То есть хроноинвертор?

– Узнаете в своё время. Всех благ, мистер Хорст. Встретимся на Меркурии.

– Не торопитесь, один вопрос: как я понял, вы можете внедриться в любого человека. Так?

– Не в любого, нужен психически подходящий индивидуум.

– Псих, то есть?

– Вы снова...

– Прошу прощения, вырвалось. Как вам удалось подсадить мне своего агента?

– Это не агент – Посредник. Вы уже были инфицированы.

– А вы? Тоже были инфицированы? Или Посредника вам подсадили недавно?

– Вопрос излишен.

– В таком случае как вы хотите убрать командира «Соло»? Физически?

– Это для вас сложно?

Ульрих ухмыльнулся.

– Я люблю сложные задания. И тем не менее хочу предложить иной вариант. У вас, то есть у ваших хозяев есть способ внедрять своего агента в людей? Какой-нибудь аппарат, генератор, программатор?

– Насколько мне известно – нет. Но уверена, это можно будет сделать.

– Давайте запрограммируем полковника. Вы дадите мне программатор с вашим Посредником, я стреляю в Бондаря, и проблема решена: он наш!

Ева наморщила лоб, раздумывая.

– Хорошо. Я дам вам знать. – Она пошла к двери номера.

Ульрих преградил ей путь, хищно раздувая ноздри.

– Погодите, фрау, вы кое-что забыли.

Женщина непонимающе посмотрела на собеседника.

– Вы имеете в виду...

– Секс!

– У меня нет времени.

– Разве это предлог для отказа? Нам же было хорошо в Финляндии.

Ева Рутберг заколебалась...

Глава 5

Двойной удар

Вторник шестого сентября навсегда вошёл в категорию «чёрных дней» для спецслужб всего мира.

В шесть часов (по среднесолнечному – независимому – времени), соответствующему шести часам утра по Гринвичу, инк базы «Шимоза-2» на Меркурии получил уведомление от американского комиссара по связям с национальными ГУИН Земли о прибытии на базу инспектора ГУИН США Евы Рутберг. Поскольку такое важное лицо базу Погранслужбы Солнечной системы никогда не посещало, инк вынужден был запросить руководство базы и получил разрешение от Ютана Крымоглу, замещавшего в данный момент начальника базы Сив Чук Гека, который отдыхал где-то вне Меркурия и Земли.

Ютан Крымоглу был человеком спесивым, высокомерным, с подчинёнными разговаривал через губу и метил занять место своего босса. Поэтому в силу характера и амбиций предупредить руководство Погранслужбы о визите инспектора он не стал, несмотря на полученное предписание начальства докладывать Службе безопасности о нестандартном поведении любых гражданских и прочих лиц при контакте с таковыми. Не затронуло его даже вежливое напоминание инка базы о принадлежности визитёра к структурам, которым было доверено содержание «сверхтеррориста» Ульриха Хорста и его казнь после суда.

– Я помню, – сухо ответил инку Ютан Крымоглу. – Разберёмся.

Ева Рутберг появилась в семь часов двадцать минут по среднесолнечному времени, что соответствовало семи часам утра по времени базы.

Она была одета в чёрный, с белыми вставками, официал-уник, обтягивающий фигуру и подчёркивающий её достоинства. Вместе с ней в приёмную начальника базы вошёл сухощавый молодой человек приятной наружности, которого она представила как секретаря.

Ютан Крымоглу, лично вышедший из кабинета встретить посланца американской системы правосудия, расправил плечи. Несмотря на залысины, рыхлое складчатое лицо, глаза навывкате, малый рост и полное отсутствие спортивного телосложения, он считал себя если и не мачо, то весьма обаятельным мужчиной. Облик же инспектора его приятно поразил.

– Чрезвычайно рад видеть столь влиятельную особу в наших скромных пенатах, – напыщенно проговорил он. – Проходите, госпожа Рутберг.

Ева лучезарно улыбнулась, вошла в кабинет.

Крымоглу жестом остановил секретаря гостыи, засеменил следом за ней, закрыл дверь, указал на современные стулья у такого же современного трансформер-стола.

– Присаживайтесь. Честно говоря, я теряюсь в догадках насчёт цели вашего визита. Чем могло заинтересовать ваше серьёзное ведомство наша епархия? Заключённых мы не содержим. – Он улыбнулся и позволил себе пошутить: – Пока.

Ева кинула взгляд на стены кабинета, имевшего спартанский вид: ничего лишнего, никаких личных примет владельца, если не считать висящий в воздухе флаг Китайской Республики, – отметила выходы энерголиний (велась видеозапись) и промурлыкала нежным голоском, с кошачьими интонациями:

– Мистер Крымоглу, вы неожиданно попали в точку своими словами. Наше ведомство ищет удобное с точки зрения содержания заключённых место, и ваша база подходит для этого как ни одна другая. Отсюда не сбежишь, если нет доступа к метро, и охранять опасных преступников легче. Официальные переговоры начнутся совсем скоро, а я хотела бы осмотреть территорию базы для доклада Верховному комиссару ГУИН. Вы не возражаете?

– Рад помочь, хотя от своего командования я не получал никаких инструкций.

– Надеюсь, это нам не помешает? – Ева добавила в тон голоса бархатные нотки.

Ютан Крымоглу заулыбался.

– Разумеется, я в вашем распоряжении. Могу показать вам схему базы и расположение казематов. Мы используем естественные пещеры, очень удобно.

– Я хотела бы осмотреть казематы в процессе обхода. Личные впечатления играют не последнюю роль в нашем деле. Потом можно будет вернуться к схеме.

– О, конечно. – Крымоглу спохватился. – Прошу прощения, мисс, я не предложил вам напитки. Чай, кофе, селенчай, вино? Или вы любите покрепче, коньяк, например? Афганейр?

– Благодарю вас, чиф-кэпитен, после возвращения, если не возражаете.

– В таком случае прошу следовать за мной.

Крымоглу вскочил, глядя на грудь гостьи, обтянутую скользкой на вид тканью уника, облизнул губы и поспешил к двери. Он был готов выполнить любую просьбу инспектора, и Ева с брезгливостью подумала, что на большинство встречаемых ею мужчин магия женственности действует безотказно.

В приёмной она сказала:

– Секретарь пойдёт с нами.

– Как прикажете, – махнул рукой полковник. – С чего начнём?

– С осмотра стартового поля, если вы не против.

– Никаких проблем.

Возникший за столом фантом адъютанта проводил делегацию внимательным взглядом, как живой человек. Но поскольку никаких распоряжений от и.о. начальника базы не поступило, инк кабинета убрал динго адъютанта и передал своему командиру – инку базы о полном порядке во вверенном ему помещении.

Крымоглу и его спутники поднялись на лифте на нулевой уровень комплекса, вышли из-под грибка защитной будки и оказались на стартовом поле порта, под туманно-голубым куполом, имитирующим цвет земного неба.

Поскольку база «Шимоза-2» находилась в сумеречном поясе Меркурия, шар Солнца с наблюдательной вышки купола был виден как наполовину вставший из-за горизонта или, наоборот, как собирающийся опуститься за горизонт при наступлении ночи. Но хотя вращение Меркурия вокруг оси отставало от его вращения вокруг Солнца (долгое время земные астрономы считали, что он повёрнут к светилу одной стороной и вращается синхронно с оборотом вокруг Солнца), то очень ненамного, и граница света и тени – сумеречная зона планеты, терминатор, – перемещалась по поверхности медленно, годы, практически незаметно для глаза. Поэтому Солнце над горизонтом висело долго, и его движение никто из обитателей городков, баз и станций не замечал.

Температура воздуха под куполом не превышала двадцати семи градусов по Цельсию. Здесь царило вечное лето.

На поле стояли разного размера летательные аппараты.

Ева Рутберг задержала взгляд на эллипсоиде фрегата «Мао».

– Галактоник?

– О, нет, всего лишь линейный фрегат Погранслужбы, – ответил тоном знатока Крымоглу. – Хотя может применяться и за пределами Системы в радиусе до десяти тысяч световых лет. Принадлежит Китайской Народной Республике, видите символы на борту?

Действительно, чуть выше ватерлинии корпуса эллипсоида, бросающего зеркальные блики, виднелся влитый в материал красный флаг Китая с ожерельем звёздочек.

– Почему он стоит на вашей базе? – заинтересовалась Ева.

– Готовится к патрулированию.

– А нельзя ли посмотреть, как он выглядит изнутри? – Взгляд инспектора стал умоляющим. – Я ни разу не была на борту военного корабля.

Ютан Крымоглу вспотел.

Просьба показалась ему странной.

Однако взгляд гостыи пронизывал его насквозь, и колебания отступили. Глаза его на миг остекленели.

– Вообще-то нам запрещено, э-э, – хриловато, с запинкой сказал он, – пропускать посетителей на борт спецтранспорта, но для вас я сделаю исключение.

К стоящим возле грибка выхода на поверхность гостям подплыл космодромный бот. Они заняли места. Бот направился к глыбе фрегата, больше напоминающей слиток расплавленного серебра, нежели космический корабль. Возле него стояли грузовые катера, какие-то этажерчатые конструкции, пристыкованные к бортам с двух сторон, мелькали юркие кибы, но живых людей видно не было.

Ева посмотрела на своего молчаливого секретаря.

– Жан?

– Всё в порядке, – приятным баритоном ответил молодой человек. – У нас ещё есть время.

Ютан Крымоглу вытер пот на лбу красным платком. Ему явно было не по себе, хотя об этом он заговорить постеснялся. Встретив лучистый взгляд инспектора, нёсший неумолимую *силу*, он криво улыбнулся.

– Жарко, знаете ли...

– Надеюсь, в корабле поддерживается микроклимат? – забеспокоилась Ева.

– Разумеется, на фрегате работают все системы, он практически готов к полёту. Несмотря на давность постройки, это очень современное судно.

Бот остановился у одной из «этажерок». Пассажиры вышли.

Под хоботом «этажерки» в борту корабля открылся люк, из которого выдавился языком сфинктер тамбура, на лепестке которого стоял невысокий китаец средних лет в костюме про-раба.

Крымоглу шагнул к нему.

* * *

Полутоннажный неф Погранслужбы с бортовым номером «17», управляемый драйвером-примой Джеймсом Эллинсоном, возвращался к базе после четырёхчасового патрульного рейда, когда киб-пилот аппарата подал сигнал:

– Вижу потерпевший крушение катер.

Джеймс Эллинсон, слегка ослотившийся после длительного полёта над сверкающими под лучами Солнца равнинами и кратерами дневной стороны Меркурия, встрепенулся.

Меркурий – небольшая планета, меньше земной Луны¹², и практически так же покрыта множеством кратеров ударного происхождения. В эпоху планетообразования, миллиарды лет назад, её поверхность бомбардировали тысячи метеоритов, астероидов и обломков планетоидов, пронизывающих Солнечную систему насквозь. Поэтому пейзаж Меркурия чрезвычайно однообразен, несмотря на изобилие кратеров, трещин, горных складок и гладких «морей». Заметить что-либо на таком вздыбленном пространстве, да ещё под Солнцем, нагревающим дневную сторону Меркурия до температуры плавления олова и свинца, весьма затруднительно. По этой причине туристам-экстремалам всегда читают лекции о правилах поведения на планете, заставляют подписывать меморандум о соблюдении мер безопасности и контролируют их перемещение по поверхности планеты. И тем не менее до сих пор случаются происшествия с любителями побродить по многочисленным пещерам Меркурия, способными заблудиться,

¹² Диаметр Луны – 3476 км, диаметр Меркурия – 2440 км.

провалиться в трещину или разбить аппарат о скалы – при наличии современных систем безопасности.

Как оказалось, именно на такого туриста и наткнулся патрульный неф, ведомый Джеймсом Эллинсоном в сотне миль от базы «Шимоза-2».

– Фак ю! – пробормотал пилот, рассчитывавший через десять минут посетить бар на базе и выпить холодного кванза.

– Ваше решение? – прошелестел в наушниках голос киб.

– Садимся, – со вздохом ответил пилот.

– Сообщение на базу?

– Сначала осмотрим местность, потом свяжемся.

Неф скользнул к нагромождению скал, окружавших дыру в поверхности планеты, из которой поднимался реденький столбик дыма. Это была меркурианская фумарола – специфическое жерло вулкана, уходящее на большую глубину в недра планеты. Таких фумарол было открыто более тысячи, и садиться рядом с ними не разрешалось, так как они могли спонтанно возбуждаться и выбрасывать нагретые до высоких температур газы.

Но любители острых ощущений всё равно находились, и в данный момент какой-то турист пренебрёг инструкцией, попал под выброс – чем ещё можно объяснить происшествие? – и разбился. Теперь надо было его вытаскивать, лечить и в любом случае транспортировать на базу, чего Джеймсу Эллинсону делать не хотелось.

Странно, что ГС не заметил крушения, подумал он, имея в виду глобальную спутниковую систему навигации – Гелио-ГЛОНАСС, давно подвешенную над Меркурием и практически над всеми планетами Солнечной системы. Но мысль мелькнула и исчезла. Предстоящая спасательная операция заслонила собой всё остальное.

Неф завис над лежащим на краю скалы, у обрыва в колодец фумаролы, двухместным пинассом «Вольво». Разбитым он не выглядел, но с ним явно было что-то не то. Он в любой момент мог свалиться в двадцатиметровое жерло газовулкана.

Эллинсон врубил передатчик, попробовал вызвать пилота на всех доступных диапазонах.

Никто не ответил.

Тогда он подвесил свой катер в метре от скал, выбрался наружу в дежурном «кокосе», приблизился к пинассу. Спасать неизвестного разгильдяя, влетевшего в столб газа, не хотелось никак, хотелось вызвать спасателей и побыстрее убраться отсюда. Но Эллинсон справился с эмоциями.

Подошёл к лежащему на скале аппарату, постучал по корпусу кулаком.

– Эй, есть кто живой?

Никто не отозвался, однако блистер аппарата вдруг беззвучно откинулся, и над сиденьем выросла фигура пассажира в сверкающем костюме, таком же, какой был на пилоте патрульного катера.

– Чёрт! – выругался Эллинсон с облегчением. – С вами всё в порядке?

Пассажир пинасса снова промолчал, но Эллинсон вдруг потерял к происходящему всякий интерес. Сознание растворилось в нахлынувшем безразличии.

«Садись на своё место!» – раздался в голове – не в наушниках радиации – холодный **голос**.

Пассажир вылез из пинасса, взялся за локоть пилота.

Тот забрался в кабину своего катера. Пассажир сел рядом.

«На базу!»

Джеймс Эллинсон послушно скомандовал кибу следовать на базу.

– Всё в порядке? – поинтересовался киб, выполняя приказ.

«Ответь – всё в норме!»

– Всё в норме, – подтвердил Эллинсон, не вникая в смысл сказанного.

Неф поднялся в угольно-чёрное небо Меркурия, расцвеченное оранжевой дымкой реденькой атмосферы, помчался над кратерами и скоплениями оплывших скал прочь от жгучего света близкого Солнца, диск которого с поверхности планеты виделся вчетверо большим, чем с поверхности Земли.

Через несколько минут вдали показался бликующий зеркальный купол базы. Неф нырнул к нему с высоты километра.

«Процедура стандартная, – снова заговорил в голове сомлевшего пилота чужой *голос*. – После пересечения тамбур-зоны подлетишь к фрегату «Мао», откроешь кабину».

Эллингсон ответил инку базы, запросившему борт «17», объяснил причину задержки вынужденной остановкой в пути для помощи повреждённому туристическому катеру, и его пропустили в окно тамбур-зоны, имевшей специальную аппаратуру контроля.

– Кто у вас на борту, Джеймс? – спросил дежурный оператор.

«Турист из Финляндии Аарво Стукканен», – сообщил *голос*.

Эллингсон повторил.

– С ним всё в порядке? Медпомощь не требуется?

«Нет!»

– Нет.

– Сдавай смену. Я направлю бригаду ремонта к туристу, дай координаты. Желаю приятно отдохнуть.

Неф продавил силовой пузырь тамбур-зоны, вышел под купол порта, накрывающего весь кратер.

Эллингсон подвёл катер к стометровому эллипсоиду фрегата «Мао».

«Спи!» – приказал *голос*.

Пилот послушно уронил голову и потерял сознание.

* * *

– Прошу провести небольшую ознакомительную экскурсию, – сказал Ютан Крымоглу надменно-приказным тоном, – в порядке исключения. Наш гость – инспектор первого класса ГУИН США Ева Рутберг.

Малорослый молодой китаец в серо-синем унике развёл руками, изобразил вежливо-извинительную улыбку.

– К созалению, доступа на борт фрегата ограничена.

– Я исполняю обязанности начальника базы!

– И всё же у меня приказа – никаких посторонних лиц на борту корабля Великого Кормчего. Извините. – Китаец снова развёл руками.

Это был живой человек, бригадир пусконаладочных работ, и с ним, наверно, можно было бы договориться, но Ева Рутберг почему-то не стала этого делать.

– Мы всё понимаем, мистер, – обворожительно улыбнулась она. – Нельзя так нельзя. Расскажите хотя бы, на что способен этот красавец.

К стоящим подлетел каплевидный неф с номером «17» на борту. Из него выбрался мужчина в отблёскивающем металлом «кокосе», прошагал мимо группы гостей и хозяев базы, встал на лепесток втягивающего лифта.

Никто из мужчин не отреагировал на это, словно прилетевший на патрульном катере пилот принадлежал экипажу корабля. Только Ева Рутберг окинула его оценивающим взглядом.

– Жан! – проговорила она.

Секретарь инспектора встал на лепесток лифта рядом с пилотом.

Сфинктер лифта сократился и втянул обоих в люк фрегата.

И снова мужчины не отреагировали на происходящее, словно это их не касалось.

– Мы вас не задерживаем, – сказала Ева бригадиру.

Китаец вежливо поклонился и зашагал к погрузчикам, маневрирующим у борта фрегата.

– Идёмте, мистер Крымоглу, – сказала Ева. – Посмотрим на ваши казематы. Надеюсь, там нас не остановят?

– Пусть попробуют! – надул щёки полковник. – База – моя епархия, здесь я отдаю приказы. Китайцы вообще очень подозрительны, а после случая с «Биглем» никого на борт пограничных спейс-машин велено не пускать. Я мог бы надавить, воспользоваться полномочиями, но лучше с этими парнями не связываться.

– Я вас отлично понимаю, мистер Крымоглу.

Пара вернулась в кабинет начальника базы.

В это время пилот нефа и секретарь инспектора невидимками пересекли тамбур и транспортный отсек: люди их не видели, а контрольная система посчитала за своих, так как никто гостей на входе не остановил. Гости сели в пузырь пронзающего лифта корабля и поднялись в рубку фрегата, где в этот момент находились всего двое членов экипажа: командир корабля Лю Чен и драйвер-секунда Ю Чон Ганн. Они тестировали всю многосложную систему управления фрегатом, базой которой был инк класса Умник, почти равный по интеллекту им обоим.

Гости остановились перед люком в кокон-рубку, так как перед ними сгустилась зеркальная плёнка силового поля.

– Посторонним вход воспрещён! – прозвучал из воздуха мягко-непреклонный голос по-китайски, повторил то же самое на английском.

Пилот нефа пристально глянул на выпуклый глаз системы контроля, заговорил по-немецки:

– Меня ждут.

Последовала пауза.

Секретарь Евы Рутберг покосился на спутника, но тот лишь сделал успокаивающий жест. Мерцающая зеркальная плёнка перед гостями исчезла.

– Проходите.

Пилот нефа кивнул, входя в рубку. Он уже давно держал под контролем сознание командира фрегата и его помощника, поэтому был спокоен и твёрд.

«Тестирование закончено! – заговорил в голове Лю Чена жёсткий, не терпящий возражений *голос*. – Процедура переподчинения: ты складываешь с себя полномочия и передаёшь их преемнику. Имя – Ульрих Хорст, Ливермор, база «Чанг», доступ неограничен, личные характеристики здесь!»

Гость протянул сидевшему в кокон-кресле командиру фрегата «кнопку» флешки.

Лю Чен безропотно взял флешку, скормил вириалу инка в подлокотнике кресла.

Перед ним соткалось из световых лучей человеческое лицо с явно выраженными чертами китайца. Это был фантом инка фрегата по имени Цзе Дун.

– Основания? – спросил он по-китайски.

«Переподчинение совершается в рамках секретного решения ВКС».

Лю Чен повторил переданную ему мысленно фразу, опять же – по-китайски.

– Подтверждение?

«Считывается на пси-уровне».

– Считывается на пси-уровне.

Пассажир нефа хлопнул Лю Чена по локтю. Тот вылез из кресла, не меняя выражения лица.

Ульрих Хорст, не снимая маски динго, занял его место.

То же самое сделал секретарь Евы Рутберг, заменив второго пилота.

– Режим один-на-один! – звучным голосом произнёс Ульрих.

В ту же секунду фигура секретаря Евы Рутберг вспухла и расплылась тающим облачком дыма, осевшим на кресло и всосавшимся во все отверстия кокон-рубки.

«Вы свободны! – скомандовал Лю Чену *голос*. – Высаживайте экипаж и бригаду наладки, всех, кого встретите! Код акции «три А», императив «Буря в пустыне».

Китайцы опрометью бросились к выходу из рубки.

Ульрих зарастил своё кресло, подключаясь к контуру управления фрегатом. В голове развернулся «бутон» пси-связи с инком корабля.

«Полномочия?» – неуверенно спросил Цзе Дун.

«Я – мои полномочия!» – ответил Ульрих, нанося мощный энергоинформационный удар по контурам машины, отвечающим за безопасность и сохранение крипторежимов.

Удар был двойным: секретарь Евы Рутберг представлял собой кластер нанороботов, запрограммированных определённым образом, и его подключение, сбивающее основную защитную программу инка, сыграло немаловажную роль в подчинении компьютера.

Схватка в режиме «один-на-один» длилась недолго. Ульрих выиграл бой.

«Готов к работе», – сообщил обалдевший Цзе Дун, которому отсекали целую ветвь этических контуров, опиравшихся на законы роботехники, сформулированные ещё в двадцатом веке¹³.

«Старт!»

«Упаковка неполная!»

«Плевать! Справимся!»

«Неизбежен конфликт».

«Все препятствия уничтожить! Выпрыгивай из-под купола и стартуй по «струне» к Воркуте. Это город на севере России».

«Понял, выполняю».

Фрегат «Мао» стартовал...

¹³ А. Азимов. Три закона роботехники.

Глава 6

Комбинация из трёх пальцев

Кирилл Бондарь, полковник ФСБ, командир группы «Соло», состоящей из самых отчаянных и великолепно обученных оперов контрразведки (пример – Селим фон Хорст), слыл человеком замкнутым и не склонным к философствованию. Хотя и «простым рубакой» не был.

Он закончил гимназию в Днепропетровске, универсалий в Киеве и Академию космодесанта в Рязани. В тридцать лет стал маршалом десантных войск России. В сорок – командиром бригады быстрого реагирования российского спецназа. В сорок четыре – полковником контрразведки ФСБ. И дальше не пошёл, хотя для карьерного роста имелись все основания. На вопросы друзей, почему он остановился на полпути к званию генерала и должности директора ФСБ или в крайнем случае Командора Погранслужбы, Кирилл неизменно отвечал: «Я не стратег и даже не тактик, я исполнитель. Для стратега у меня не хватает фантазии».

Конечно, он иронизировал. Однако больше всего он любил оперативную работу и не зря получил от своих лихих парней ласкательно-уважительное прозвище Батяка. Они готовы были выполнить любой его приказ.

В субботу утром Бондарь решил остаться дома и поработать с Умником Управления по поиску вариантов дальнейших действий супертеррориста номер один, как теперь в СМИ называли Ульриха Хорста.

Уже месяц полковник жил один. Жена уехала к родственникам в Бердянск, но не потому, что решила расстаться с мужем, а по вполне прозаической причине – поддержать дряхлеющего деда Ивана. Заявление Вениамина Смехова, директора ФСБ, сделанное им во время встречи с Евой Рутберг, было всего лишь блестящей импровизацией: Смехов догадался о состоянии полковника и объяснил его «взъерошенное» поведение уходом жены. Формально это выглядело именно так.

Однако стоило Кириллу сесть за вириал инка, позвонил сын Анатолий, служивший в отделе информационного обеспечения УВР. Ему исполнилось двадцать четыре года, и возня с передачей и анализом секретных данных ему нравилась.

– Пап, только что стало известно, что Ева Рутберг посещала Рязань.

Бондарь озабоченно потёр лоб ладонью.

– Ты первый, кто мне это говорит. Когда она была в Рязани?

– Как оказалось, она посещала Россию дважды после вашей встречи у Хоука, вчера и три дня назад.

– Откуда сведения?

– По приказу оператора Глобсети конторы мы сняли и проанализировали показания видеокамер метро всех городов России и Европы, в настоящее время проверяются записи камер метро Америки и других планет.

– Кто оператор?

– По-моему, он новичок, у него необычная двойная фамилия.

– Не Грин-Калаев случайно?

– Точно!

Бондарь снова поднёс ладонь ко лбу.

– Удивительные вещи случаются. Мы хотели привлечь к работе в качестве эфналитика Антона Грина-Калаева из Агентства стратегического прогнозирования.

– Значит, уже привлекли.

– Хоук оперативен. У тебя всё?

– Кто-то взламывал серверы ФСБ и Погранслужбы. Коллеги в шоке, такого никогда не было. Защитные системы Стратегов фрустрированы до такой степени, что скачать нужные базы данных сможет теперь любой желающий.

Бондарь замер.

– погоди, погоди... Ты понимаешь, что это означает?

– Какой-то хакер...

– Да не какой-то – Ульрих Хорст! Взлом киберсети спецслужб говорит о таком супервысоком уровне воздействия, какой недоступен ни одному человеку!

– По тревоге подняли подразделения Киберпола.

– Ты участвуешь?

– Нет, у меня свои задачи.

– Ладно, Лёша, потом свяжемся, мне надо позвонить. Чую, заваривается какая-то каша. Изображение сына над столом растаяло.

Бондарь связался с Артёмом Ромашиным:

– Ты знаешь, что Ева Рутберг...

– В курсе, сообщили недавно, – ответил Ромашин. – Могу предположить, что Ульрих расположился в Рязани.

– Под боком ФСБ?

– Он человек своеобразный...

– Нелюдь чистой воды! Наглец, каких свет не видывал!

– Я это и имел в виду. Он специально засел в Рязани, рядом с УАСС и нашими спецслужбами, чтобы глубже их уязвить. К тому же его расчёт вполне оправдан: здесь как раз никто и не собирался его искать.

– Трудно поверить.

– Трудно собирать выбитые зубы сломанными руками, – усмехнулся Ромашин.

Бондарь не оценил шутки.

– Надо объявлять «Шторм»! Что-то происходит, чего мы не видим, раз этот урод вызвал к себе инспектора американского ГУИН.

– Я у Смехова, присоединяйся к нам, помаракуем вместе, сотворим коллективный мозговой шторм.

– Троих нас мало.

– Я пригласил Антона Грина-Калаева.

– Сын мне сказал, что Хоук уже назначил его оператором расследования.

– Пока в качестве оператора Инсола, Антон анализирует состояние антитеррористической сети. Встретимся, обрисуем ему ситуацию и дадим конкретное задание.

– Поиск Ульриха.

– Нам скорее важны не планы и действия самого Хорста, а тех, кто стоит за ним.

– Ладно, сейчас присоединюсь.

– Не забывай об охране. Ульрих имеет зуб на всех нас, и он не из тех, кто забывает обиды.

Бондарь пренебрежительно отмахнулся, выключил инком. Нельзя сказать, что он был неосторожен или излишне храбр, но от сопровождения отказывался напрочь, не считая себя «очень важной персоной». К тому же был убеждён, что при любых обстоятельствах сумеет за себя постоять.

Дежурный модуль доставил его к метро.

После слов Ромашина он на всякий случай запросил отдел поддержки, выяснил, что в окрестностях Калининграда всё спокойно, никаких подозрительных движений не замечено, и успокоился окончательно. Охрана ему по-прежнему не требовалась.

Через полчаса Бондарь поднялся из терминала метро УАСС на сорок четвёртый уровень здания, но не успел войти в кабинет директора ФСБ, как в ухе проклюнулась рация «спрута»:

– Внимание! Важное сообщение! Три минуты назад с базы «Шимоза-2» угнан фрегат «Мао»! Обстоятельства инцидента выясняются.

– С-сволочь! – выдохнул Бондарь, вбегая в кабинет Смехова.

Витс-секретарь директора проводил его сочувствующим взглядом.

В кабинете уже присутствовали трое: Смехов в униформе офицала, Артём Ромашин в обычном летнем костюме и молодой человек в сером униформе, светловолосый, симпатичный, скуластый, с твёрдым подбородком. Они стояли у стола директора и смотрели на вояку, показывающую территорию меркурианского порт-куполо «Шимоза-2».

– Кто?! – спросил Бондарь в шелестящей тишине сквозь приглушенную скороговорку оператора, перечислявшего обстоятельства происшествия.

Ромашин и молодой человек оглянулись.

– У тебя есть сомнения? – поднял бровь Артём.

– Ульрих!

– Его там никто не видел, – проговорил Смехов рассеянно, – зато на территории базы во время угона была...

– Ева Рутберг!

– Непостижимая проницательность. И не одна – с секретарём.

– Это он!

– В том-то всё и дело, что не Хорст. Все действующие лица уже установлены. Незвестный угонщик прибыл отдельно на патрульном катере, замаскировавшись под пилота катера, спокойно вошёл в корабль, секретарь Евы поднялся с ним, и фрегат через несколько минут взлетел.

– Ева?

– Уже в Америке, в штаб-квартире ГУИН в Нью-Йорке. Это пока всё, что известно.

– Жертвы?

– Пилот катера в коме.

– Экипаж фрегата?

– На борту «Мао» находилось около двух десятков специалистов разного направления, в том числе трое членов экипажа. Судьба их неизвестна.

– Считайте, что они уже мертвы!

Смехов и Ромашин с одинаковым сомнением посмотрели на полковника.

– У Хорста тарантиноз, – добавил Бондарь. – Он их просто ликвидирует.

– Что такое тарантиноз? – не понял Смехов.

– Патологическое стремление к большому количеству жертв. Существовал такой режиссёр и актёр в двадцатом веке, в фильмах которого кровь лилась реками, термин произошел от его имени.

– Твоё мнение? – повернулся к молодому человеку Ромашин.

– Это многоходовка, – негромко сказал кареглазый. – Угоны фрегатов не делаются ради развлечения. Угонщику не просто понадобилась шпайс-машина для турпохода, она ему понадобилась для каких-то целей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.